

Предисловие

«Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» были записаны во второй половине девятнадцатого века. Сначала они распространялись в виде рукописи, их читали с интересом и переписывали для себя, они привлекали внимание тем, что в них простым языком и с житейской мудростью излагалось учение о молитве, которое подтверждало возможность для человека жить духовной жизнью в миру, не уходя для этого в монастырь.

В 1881 году рукопись с рассказами впервые была опубликована в Казани. Получив широкую известность, книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» несколько раз переиздавалась. Автор этих рассказов остался неизвестным. При последующих публикациях текст книги неоднократно редактировался, его дополняли различными цитатами из святоотеческой литературы, изменения вносились и в само название книги.

В 1911 году в новом издании книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» к четырём рассказам, составлявшим содержание всех предыдущих изданий были добавлены ещё три рассказа (пятый, шестой и седьмой). Принадлежность добавленных трёх рассказов тому же автору, который написал первые четыре, вызывает сомнение: надуманность в построении сюжета, иная манера изложения и примитивная назидательность, -- совершенно не сочетаются со стилем предыдущих повествований. В последующих изданиях содержание книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» состоит из семи рассказов и приложения, в которое входят пояснения и наставления о молитве из святоотеческой литературы.

Книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» является литературным памятником, подлинным историческим свидетельством мировосприятия и духовных исканий русского общества второй половины девятнадцатого века. Доверительный дружеский тон автора, рассказывающего о своей жизни, о встречах с разными людьми, его доброе отношение к ним и желание поделиться своей радостной любовью ко всему окружающему миру, находит отклик и у современного читателя.

В данную публикацию входят первые четыре рассказа из книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Картины великих русских художников, представленные здесь, дополняют содержание текста.

Рассказ первый

Я, по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение моё следующее: за плечами сумка сухарей, да под пазухой Священная Библия -- вот и всё. В двадцать четвёртую неделю после Троицына дня пришёл я в церковь к обедне помолиться; читали Апостол из послания к Солунянам, в котором сказано: *«Непрестанно молитесь»* (1Сол. 5, 17). Изречение это особенно вперилось в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни. Справился в Библии, и там увидел собственными глазами то же, что слышал, – и именно: *«Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом и старайтесь о сем со всяким постоянством»* (Еф. 6, 18) и также: *«... да молитвы творят мужи на всяком месте»* (1Тим. 2, 8). Думал, думал я об этом и не знал как понять.

«Что мне делать, – подумал я, – где сыскать, кто бы растолковал мне? Пойду ходить по церквам, где славятся хорошие проповедники, авось там услышу себе вразумление. И пошёл.

Много слышал очень хороших проповедей о молитве. Но все они были наставления о молитве вообще; что есть молитва; как необходимо молиться; какие плоды молитвы. Была проповедь о молитве духом и о непрестанной молитве; но как дойти до такой молитвы, не было указано. Так слушание проповедей и не привело меня к желаемому. Почему, наслушавшись их и не получив понятия, как непрестанно молиться, я уже не стал слушать публичных проповедей, а решился, по неотступному влечению моему к сему познанию, при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне всё о непрестанной молитве.

Долго я странствовал по разным местам: всё читал Библию, да расспрашивал, нет-ли где какого духовного наставника или благоговейного опытного водителя? По времени сказали мне, что в одном селе живёт уже давно господин и спасается: имеет в доме своём церковь, никуда не выезжает и всё Богу молится, да беспрестанно читает душеспасительные книги. Услышавши это, я уже не шёл, а бежал в сказанное село; достиг и добрался до помещика.

– Какую имеешь до меня нужду? – спросил он меня.

-- Я слышал, что вы человек богомольный и разумный; потому и прошу вас, ради Бога, растолковать мне, что значит сказанное у апостола: *«Непрестанно молитесь»*. Каким образом можно непрестанно молиться? Желательно мне сие узнать, а понять никак не могу.

Барин помолчал, пристально посмотрел на меня, да и говорит:

-- Непрестанная внутренняя молитва есть непрерывное стремление духа человеческого к Богу. Чтобы преуспеть в этом, следует чаще просить Господа, чтоб научил Он непрестанно молиться. Молись больше и усердней, молитва сама собою откроет тебе, каким образом может быть непрестанною; для сего потребно своё время, -- сказавши это, он велел накормить меня, дал на дорогу и отпустил. И не растолковал.

Опять я пошёл; думал-думал, читал-читал, размышлял-размышлял о том, что сказал мне барин и не мог понять, а хотел очень уразуметь, так что и ночи не спались. Прошёл верст двести и вот вхожу в большой губернский город. Увидел там монастырь. Остановившись на постоялом дворе, услышал, что в этом монастыре настоятель добрейший, богомольный и странноприимный. Пошёл к нему. Он принял меня радушно, посадил и начал угощать.

-- Отче! – сказал я. – Угощение мне не нужно, а я желаю, чтоб вы дали мне духовное наставление: как спастись?

-- Ну как спастись? Живи по заповедям, да молись Богу, вот и будешь спасён!

-- Я слышу, что надо непрестанно молиться, но не знаю как непрестанно молиться, и не могу даже понять, что значит непрестанная молитва. Прошу вас, отец мой, растолковать мне это.

-- Как же ещё растолковать тебе? Э! Постой, есть у меня книжка, там растолковано, -- и вынес святителя Димитрия «Духовное обучение внутреннего человека». -- Вот, читай на этой странице.

Я начал читать следующее: «Оные апостольские словеса: непрестанно молитесь – должно разуметь о творимой умом молитве: ум бо может всегда устремлён быть к Богу и непрестанно Ему молиться». Прочитав указанные мне старцем строки, я обратился к нему за разъяснением.

-- Растолкуйте мне это, каким образом ум всегда может быть устремлён к Богу, не отвлекаться и непрестанно молиться?

-- Это весьма мудрёно, разве кому сам Бог так даст, -- сказал настоятель. И не растолковал. Переночевавши у него, и на утро поблагодаривши за ласковое странноприятие, я двинулся далее в путь, сам не зная куда. Горевал о своем непонятии, да для отрады читал Святую Библию.

Шёл так дней пять по большой дороге; наконец, под вечер, нагнал меня какой-то старичок, по виду как будто из духовных. На вопрос мой он сказал, что он схимонах из пустыни, которая верстах в десяти, в сторону от большой дороги, и звал меня зайти с ним в их пустынь. У нас, говорил, странников принимают, успокаивают и кормят вместе с богомольцами на гостинице. Мне что-то не хотелось заходить, и я отвечал на приглашение его так: -- Покой мой зависит не от крыши над головой, а от духовного наставления; за пищей же я не гонюсь, у меня много сухарей в сумке.

-- А какого рода ты ищешь наставления и в чём недоумеваешь? Зайди, зайди, любезный брат, к нам; у нас есть опытные старцы, могущие дать духовное окормление и наставить на путь истинный, при свете слова Божия и рассуждения святых отцов.

-- Вот видите, батюшка, около году тому назад, как я, бывши у обедни, услышал в Апостоле таковую заповедь: «*Непрестанно молитесь*». Не умея этого понять, я начал читать Библию. И там также во многих местах нашёл повеление Божие, что надо

непрестанно молиться, всегда, на всякое время, на всяком месте. Это очень удивило меня, и я не мог понять как можно сие исполнить и какие к тому способы; сильное желание и любопытство возбудилось во мне, и день и ночь из ума моего сие не выходило. А посему я стал ходить по церквам, слушать проповеди о молитве, но сколько их ни выслушал, ни в одной не получил наставления, как непрестанно молиться; всё только говорено было о приготовлении к молитве или плодах её, не научая как непрестанно молиться и что значит таковая молитва. Я часто читал Библию и ею проверял слышанное, но при сём не находил желаемого познания. И так я до сих пор остался в недоумении и беспокойстве.

Старец перекрестился и начал говорить:

-- Благодарю Бога, брат, за сие открытие Им в тебе непреодолимого влечения к непрестанной внутренней молитве. Познай в сём звание Божие и успокойся, уверившись, что до сего времени совершалось над тобою испытание согласия твоей воли на глас Божий, и даваемо было тебе разуметь, что не мудростию мира сего, и не любознательностию внешнею достигают непрестанной внутренней молитвы, но, напротив, нищетою духа и деятельным опытом обретается оное в простоте сердца. А посему нисколько не удивительно, что ты не мог слышать о существенном деле молитвы, и познать науку, как достичь непрестанного её действия. Да и правду сказать, хотя не мало проповедуют о молитве, и много есть о ней поучений различных писателей, но поскольку все их рассуждения основаны большею частию на умозрении, на соображениях разума, а не на деятельной опытности, то более они и поучают о принадлежностях молитвы, нежели о сущности самого предмета. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы; другой – о её силе и благодетельности; третий говорит о том, что для молитвы необходимо усердие, чистота мысли, примирение с врагами и прочее. А что такое молитва и как научиться молиться? На сии вопросы, весьма редко у проповедников сего времени можно находить обстоятельные объяснения, так как они требуют таинственного ведения, а не одной только школьной научности. Да к тому же, к ещё большему сожалению, суетная житейская мудрость заставляет измерять Божие мерилком человеческим, и многие о деле молитвы рассуждают совсем превратно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели. Плоды или последствия молитвы они неправильно принимают за средства и способы к оной, и сим унижают силу молитвы. Много дел благих, которые требуются от христианина, но дело молитвы должно быть

прежде всех дел, потому что без неё не может совершиться никакое другое благое дело. А об этом-то и неясно знают, и немного говорят мало знакомые с практикою и с учениями святых отцов.

В собеседовании мы подошли почти к самой пустыни. Чтобы не упустить мне сего мудрого старца, я поспешил сказать ему:

-- Сделайте милость, честнейший батюшка, объясните мне, что значит непрестанная внутренняя молитва, и как научиться оной: я вижу, что вы подробно и опытно это знаете.

Старец принял моё прошение с любовью и позвал меня к себе:

-- Зайди теперь ко мне, я дам тебе книгу святых отцов, из которой ты ясно и подробно можешь уразуметь и научиться молитве при помощи Божией.

Мы вошли в келью и старец начал говорить следующее:

-- Непрестанная внутренняя Иисусова молитва есть непрерывное, никогда не престающее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем, при воображении всегдашнего Его присутствия, и прошении Его о помиловании. Внутренняя Иисусова молитва совершается при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени и даже во сне. Она выражается в таковых словах: *«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!»* И если кто навькнет сему призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву так, что уже без молитвы и быть не может и она уже сама собою будет в нём изливаться. Теперь понятно ли тебе, что есть непрестанная молитва?

— Очень понятно, отец мой! Бога ради, научите меня, как её достигнуть! — воскликнул я от радости.

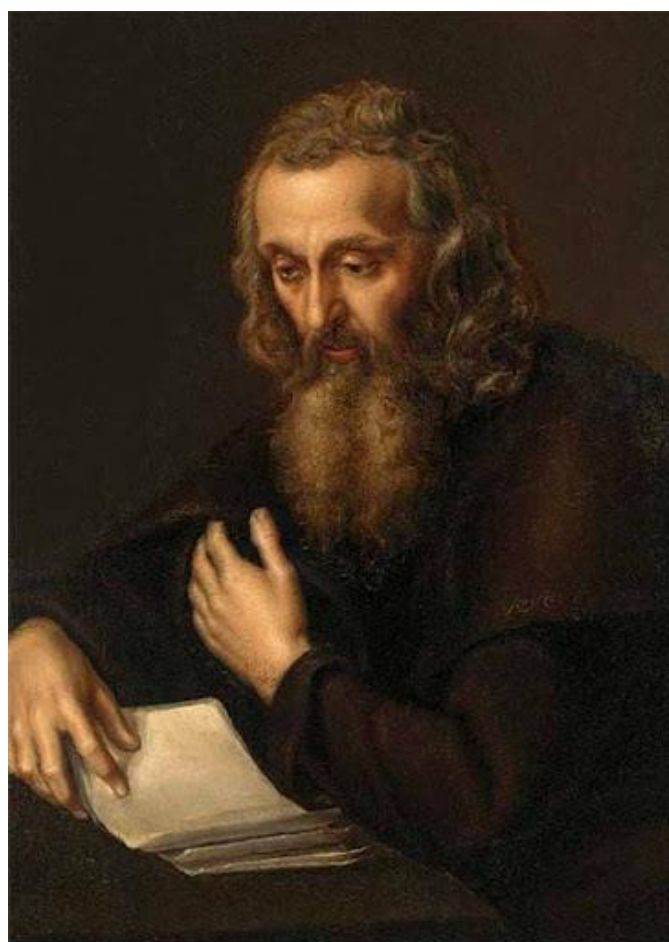
-- Как научиться молитве, о сём прочтём вот в этой книге. Сия книга называется «Добротолюбие». Она содержит в себе полную и подробную науку о непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни.

— Неужели она выше и святее Библии? — спросил я.

— Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии, и неудоборазумно по высоте своей для нашего недалёковидного ума. Я представляю тебе сему пример: солнце есть величайшее и превосходнейшее светило; но ты не можешь созерцать и рассматривать его простым, неограждённым глазом. Потребно

известное искусственно обработанное стекло, чрез которое мог бы ты рассматривать это блистательнейшее светило, восхищаться и принимать пламенные лучи его. Так и Священное Писание есть блистательное солнце, а «Добротолюбие» – то потребное стекло. Теперь слушай меня, я буду читать, каким образом научиться непрестанной внутренней молитве.

Старец раскрыл «Добротолюбие», отыскал наставление преподобного Симеона Нового Богослова и начал читать: «Сядь безмолвно и уединённо, преклони главу, закрой глаза, потише дыши; воображением своим смотри внутрь сердца. При дыхании говори тихо устами или одним умом : *«Господи Иисусе Христе, помилуй мя»*. Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение, и чаще повторяй сие занятие». Потом старец всё мне разъяснил, показал сему пример, и мы ещё прочли из «Добротолюбия» святого Григория Синаита да и преподобных Каллиста и Игнатия. Всё прочтённое старец мне растолковал и своим ещё словом. Я с восхищением внимательно слушал всё, поглощал памятью и старался как можно подробнее всё запомнить. Так мы просидели всю ночь и не спавши пошли к заутрени.

Старец, отпуская меня, благословил и сказал, чтоб я, учась молитве, ходил к нему с простосердечным исповеданием и откровением, ибо без проверки наставника самочинно заниматься внутренним деланием неудобно и малоуспешно. Стоя в церкви, я чувствовал в себе пламенное усердие, чтобы как можно прилежнее изучить внутреннюю непрестанную молитву и просил о том Бога, чтобы Он помог мне. Потом думал, как же я буду ходить к старцу на совет с откровением, ведь в гостинице больше трёх дней жить не дадут, а около пустыни никакого жилища нет?.. Наконец услышал, что версты за четыре есть деревня. Пришёл туда искать себе места, и, по счастью моему, Бог показал мне удобство. Я нанялся там на всё лето у мужика стеречь огород, с тем, чтобы и жить мне в шалаше на сём огороде одному. Слава Богу! Нашёл спокойное место. И так стал жить и учиться по показанному мне способу внутренней молитве да похаживать к старцу.

С неделю я старательно занимался в уединении моём на огороде изучением непрестанной молитвы, точно так, как растолковал мне старец. Вначале как будто дело и пошло. Потом я почувствовал большую тягость, лень, скуку, одолевающий сон, и разные помыслы тучею надвигались на меня. Со скорбью я пошёл к старцу и рассказал ему моё положение. Он, любезно встретивши меня, начал говорить:

-- Это, возлюбленный брат, война против тебя тёмного мира, которому ничто в нас так не страшно, как сердечная молитва, и потому он всячески старается, чтобы помешать тебе и отвратить от изучения молитвы. Впрочем, и враг действует не иначе, как по воле Божией и попущению, сколько это для нас нужно. Видно ещё потребно тебе испытание к смирению, а потому ещё и рано с неумеренным рвением касаться сей высшей духовной науки. Вот я тебе прочту об этом случае наставление из «Добротолюбия».

Старец отыскал учение преподобного Никифора монашествующего и начал читать: «Если несколько потрудившись, ты не сможешь войти в страну сердечную так, как тебе было растолковано, то сделай, что я скажу тебе, и при помощи Божией найдешь искомое. Отгоняя помыслы утрудись беспрестанно говорить сие: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» – и понудься всегда произносить оное. Если некоторое время будешь прилагать старание, то отверзется тебе чрез сие и сердечный вход, без всякого сомнения. Это дознано по опыту».

-- Вот слышишь, как наставляют святые отцы в сём случае, -- сказал старец. -- А потому ты должен теперь с доверенностью принять заповедь, сколь можно более творить устную Иисусову молитву. Вот тебе чётки, по коим совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в каждый день. Стоишь ли, сидишь ли, ходишь ли или лежишь, беспрестанно говори: *«Господи Иисусе Христе, помилуй мя»*; не громко и не спешно, и непременно верно выполняй по три тысячи в день, не прибавляй и не убавляй самочинно. Бог поможет тебе через сие достигнуть и непрестанного сердечного действия.

С радостью я принял его приказание и пошёл в своё место. Начал исполнять верно и в точности, как научил меня старец. Дня два мне было трудновато, а потом так сделалось легко и желательно, что когда не говоришь молитвы, являлось какое-то требование, чтобы опять творить Иисусову молитву, и она стала произноситься удобнее и с лёгкостью, не так уже, как прежде с понуждением.

Я объявил о сём старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч молитв совершать в день, сказав: «Будь спокоен и токмо, как можно вернее, старайся выполнить заповеданное тебе число молитв. Бог сотворит с тобою милость».

Целую неделю я в уединённом моём шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых молитв, не заботясь ни о чём и не взирая на помыслы, как бы они не воевали; только о том и старался, чтобы в точности выполнить старцеву заповедь. И что же? Так привык к молитве, что если и на краткое время перестану её творить, то чувствую, как бы чего-то не достаёт, как бы что-нибудь потерял; начну молитву, и опять в ту же минуту делается легко и отрадно. Когда встретишься с кем-нибудь, то и говорить уже неохота, и всё хочется быть в уединении, да творить молитву: так привык к ней в неделю.

Дней десять не видавши меня, старец сам пришёл навестить меня; я объяснил ему моё состояние. Он, выслушавши, сказал: «Вот ты теперь привык к молитве, смотри же, поддерживай и усугубляй эту привычку, не теряй времени втуне, и с Божией помощью решишь не упустительно совершать по двенадцати тысяч молитв в день; держись уединения, вставай пораньше, да ложись попозднее, чрез каждые две недели ходи ко мне на совет».

Стал я так поступать, как повелел мне старец, и на первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить моё двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием. Сперва чувствовал при беспрестанном повторении молитвы усталость, или как бы одеревенение языка и какую-то связанность в челюстях, впрочем приятные; потом ощутил некую болезненность в большом пальце левой руки, которою перебирал чётки, и ощущение тепла всею кистью, которое простиралось и до локтя и производило приятнейшее ощущение. Притом всё сие как бы возбуждало и понуждало к большему творению молитвы. И так дней пять исполнял верно по двенадцать тысяч молитв и вместе с привычкою получил приятность и охоту.

Однажды рано поутру, как бы разбудила меня молитва. Стал было читать утренние молитвы, но язык неловко их выговаривал, и всё

желание само собою стремилось, чтобы творить Иисусову молитву. И когда её начал -- как стало легко, отрадно, и язык и уста как бы сами собою выговаривали без моего понуждения! Весь день провёл я в радости и был как бы отрешенным от всего прочего, был как будто на другой земле и с лёгкостью окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер. Очень хотелось и ещё творить молитву, но не смел более приказанного старцем. Таким образом и в прочие дни я продолжал призывание имени Иисуса Христа с лёгкостью и влечением к оному.

Потом пошёл к старцу на откровение и рассказал ему всё подробно. Он, выслушавши, начал говорить:

-- Слава Богу, что открылась в тебе охота и лёгкость молитвы. Это дело естественное, приходящее от частого упражнения и подвига, подобно как машина, у которой привели в движение главное колесо, после долго сама собою действует; а чтобы продлить её движение, надо это колесо подмазывать, да подталкивать. Вот видишь ли, какими превосходными способностями человеколюбивый Бог

снабдил даже и чувственную натуру человека, как уже сам ты это испытал. Кому Господь благоволит открыть дар самодействующей духовной молитвы, очищающей душу от страстей, тому даётся предвкушение радости небесной на земле. Сего сподобляются в простоте сердца ищущие Господа! Теперь разрешаю тебе: твори молитву сколько хочешь, как можно более. Всё время бодрствования старайся посвящать молитве и уже без счисления призывай имя Иисуса Христа, смиренно предавая себя в волю Божию и от Него ожидая помощи: верую, что Он не оставит тебя и управит путь твой.

Принявши сие наставление, я всё лето провождал в беспрестанной устной Иисусовой молитве и был очень покоен. Во мне почасту грёзилось, что творю молитву. А в день, если случалось с кем встретиться, то все без изъятия представлялись мне так любезны, как бы родные, хотя и не занимался с ними. Помыслы сами собою совсем стихли, и ни о чём я не думал, кроме молитвы, к слушанию которой начал склоняться ум, а сердце само-собою по временам начало ощущать теплоту и какую-то приятность. Когда случалось приходить в церковь, что была при пустыне, то продолжительная монастырская служба казалась краткою, и уже не была утомительна для сил, как прежде. Уединённый шалаш мой представлялся мне великолепным чертогом, и я не знал, как благодарить Бога, что Он мне, такому окаянному, грешному, послал такого спасительного старца и наставника.

Но недолго я пользовался наставлениями моего любезного и богомудрого старца. В конце лета он скончался. Я, со слезами простившись с ним, выпросил себе после него на благословение чётки, с которыми он всегда молился. Итак, я остался один. Наконец и лето прошло, и огород убрали. Мне стало жить негде. Мужик расчёл меня, дал мне за сторожбу два целковых, да насыпал сумку сухарей на дорогу, и я опять пошёл странствовать по разным местам, но уже ходил не так, как прежде, с нуждою; призывание имени Иисуса Христа веселило меня в пути, и все люди стали до меня добрее, казалось, как будто все меня стали любить.

Однажды стал я думать: «Куда мне девать полученные за хранение огорода деньги и на что мне они? Э, постой! Старца теперь нет, учить некому: куплю-ка я себе «Добротолюбие» да и стану по нему учиться внутренней молитве». Перекрестился да и иду себе с молитвой. Дошёл до одного губернского города и начал по лавкам спрашивать про эту книгу; нашёл в одном месте, но и то просят за неё три целковых, а у меня только два; поторговался-поторговался,

но купец не уступил нисколько; наконец сказал: «Поди вон к этой церкви, там спроси старосту церковного; у него есть старенькая этакая книга, может, он и уступит тебе за два целковых». Я пошёл и действительно купил за два целковых «Добротолюбие», всё избитое и ветхое. Обрадовался. Кое-как починил его, обшил тряпкой и положил в сумку с моей Библией.

Вот теперь так и хожу да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего в свете. Иду иногда вёрст по семидесяти и более в день, и не чувствую что иду, а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряжённее говорить молитву, и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнёт одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнётся ломота в спине и ногах, стану внимать молитве и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню как насладительна Иисусова молитва, -- тут же оскорбление и сердитость пройдёт и всё забуду. Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чём заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел, и был бы всё один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается. Конечно, всё это чувственное или, как говорил покойный старец, естественно и искусственно от навыка; но вскоре приступить к изучиванию и усвоению духовной молитвы внутрь сердца ещё не смею, по недостойнству моему и глупости. Жду часа воли Божией, надеясь на молитвы покойного старца моего. Итак, хотя я и не достиг непрестанной самодействующей духовной молитвы в сердце, но слава Богу, теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: *«Непрестанно молитесь»*.

Список иллюстраций

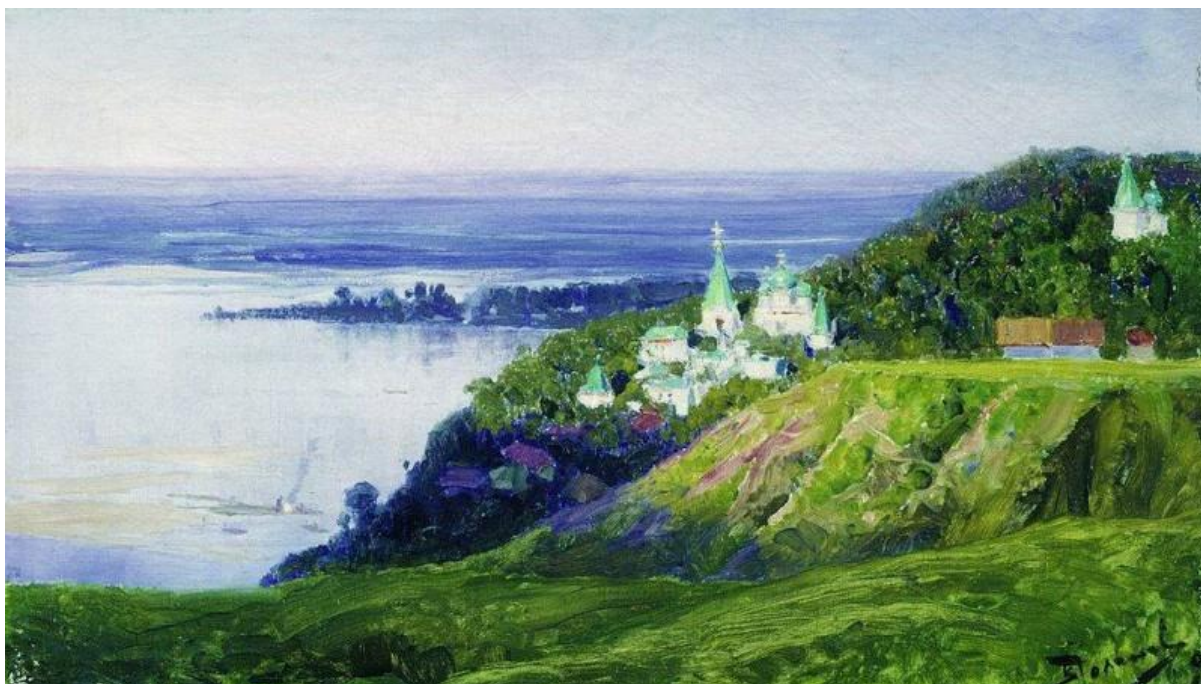
- С. 1 Кондратенко Г. П. *Летний пейзаж. Вид на монастырь*
С. 6 Крамской И. Н. *Русский монах в созерцании*
С. 8 Волков Е. Е. *У монастыря*
С. 10 Васнецов А. М. *Скит*

Рассказ второй

Долго я странствовал по разным местам с сопутствовавшей мне Иисусовой молитвою, которая ободряла и утешала меня во всех путях, при всех встречах и случаях. Наконец стал я чувствовать, что лучше бы где-нибудь остановиться на одном месте, как для удобнейшего уединения, так и для изучения «Добротолюбия», которое, хотя и понемногу я читал, приютившись на ночлегах, или при дневном отдыхе; однако ж было сильное желание, чтоб постоянно углубляться в оное и с верою почерпнуть из него истинное наставление ко спасению души чрез сердечную молитву. Но как, согласно сему моему желанию, я нигде, ни в какую посильную работу наняться не мог, по причине совершенного невладения левой моей рукой с самого малолетства; а потому, будучи в невозможности иметь постоянный приют, я пошёл в сибирские страны, к святителю Иннокентию Иркутскому, с тем намерением, что по лесам и степям сибирским мне идти будет безмолвнее, следственно, и заниматься молитвою и чтением удобнее. Так я и шёл да беспрестанно творил устную молитву. Наконец чрез непродолжительное время почувствовал, что молитва сама собою начала как-то переходить в сердце, то есть сердце, при обыкновенном своём биении, начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе, 3) Христе, и прочее. Я перестал устами говорить молитву, и начал с прилежанием слушать как говорит сердце, помня, как толковал мне покойный старец, как это было приятно. Потом начал ощущать тонкую боль в сердце, а в мыслях такую любовь ко Иисусу Христу, что казалось, что если бы Его увидел, то так и кинулся бы к ногам Его, и не выпустил бы их из рук своих, сладко лобызая, до слёз, но благодаря, что Он такое утешение о имени Своём подаёт, по милости и любви Своей, недостойному и грешному созданию Своему.

Далее начало являться какое-то благотворное растепливание в сердце, и эта теплота простиралась и по всей груди. Сие обратило меня в особенности к прилежному чтению Добротолюбия, чтобы как поверять мои ощущения, так и изучить дальнейшее занятие внутреннею сердечною молитвою; ибо без сей проверки боялся, дабы не впасть в прелесть, или не принять естественных действий за благодатные, и не возгордиться скорым приобретением молитвы, как слышал я от покойного старца. А потому я шёл уже более по ночам, а дни преимущественно проводил в чтении «Добротолюбия», сидя в лесу под деревьями. Ах, сколько нового, сколько мудрого и доселе неведомого открыло мне сие чтение! Упражняясь в нём, я вкушал

такую сладость, какой до сего времени не мог и вообразить. Правда, хотя некоторые места были и непонятны при чтении глупому уму моему, но последствия, происходящие от сердечной молитвы, разъяснили мне непонимаемое; к тому же изредка видывал во сне и покойного старца моего, который многое толковал мне и более всего наклонял несмысленную душу мою ко смирению. С лишком два летних месяца я так блаженствовал. Путешествовал более лесами да просёлочными дорогами. Если приду в деревню, попрошу себе сумку сухарей да горсть соли, да налью бурачок воды, и опять пошёл вёрст на сто.

По грехам, что ли, окаянной души моей или по потребности в духовной жизни, или лучшему наставлению и опытности, под конец лета начали являться искушения. А именно: вышел я на большую дорогу, в сумерки нагнали меня два человека, похожие с голов на солдат; стали у меня требовать денег. Когда я отозвался, что не имею ни копейки, они сему не верили и дерзко кричали: «Врёшь! Странники много набирают денег!» Один из них, сказавши: «Да что с ним много говорить», -- ударил меня дубиною в голову так, что я упал без памяти. Не знаю, долго ли я лежал без чувств, но, очнувшись, увидел, что я лежу у леса близ дороги весь раздёрганный и сумки моей нет, одни только перерезанные верёвки, на коих она была несена. Слава Богу, что не унесли паспорт, который лежал в ветхой моей шапке, на случай скорейшего показания, где требуют. Вставши, я горько заплакал, не столько от головной боли, сколько о том, что

лишили книг моих, Библии и «Добротолюбия», бывших в унесённой сумке. Ни день, ни ночь не переставал я скорбеть и плакать. Где теперь моя Библия, которую я с малых лет читал и имел всегда при себе? Где моё «Добротолюбие», из которого я почерпал и наставление и утешение? Лишился я, несчастный, и первого, и последнего сокровища в моей жизни, ещё не насытившись оным. Лучше бы меня совсем убили, нежели жить мне без сей духовной пищи! Не могу уже теперь опять приобрести их!

Два дня я едва передвигал ноги, изнемогая от сего горя, а на третий, совсем выбившись из сил, упал под куст и заснул. Вот и вижу во сне, будто я в пустыне в келье старца моего, оплакиваю своё горе. Старец, утешая меня, начал говорить: «Это тебе урок беспристрастия к вещам земным для удобнейшего шествия к небу. Тебе это попущено для того, чтобы не впал ты в сластолюбие духовное. Бог хочет, чтобы христианин совершенно отвергнулся своей воли, хотения и всякого к оному пристрастия и совершенно предался бы в Его Божественную волю. Он все случаи устраивает к пользе: *«Иже всем человеком хочет спастися»* (1Тим. 2, 4). А потому ободрись и веруй: *«не оставит вас искусится паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие»* (1Кор. 10, 13). И ты вскоре утетишься гораздо более, чем теперь скорбишь». При сих словах я проснулся, почувствовал укрепление в силах и в душе как бы какой-то рассвет и успокоение. Да будет воля Господня, сказал я, перекрестился, встал и пошёл. Молитва опять начала действовать в сердце по-прежнему, и дня три я путешествовал спокойно.

Вдруг нагоняю по дороге этап колодников, ведомых за конвоем. Поравнявшись с ними, я увидел двух человек, которые меня ограбили, и так как они шли с краю прочих, то я упал им в ноги и убедительно просил их сказать, где мои книги. Сначала они не обратили на меня внимания, а потом один из них начал говорить: «Если что-нибудь дашь нам, то скажем, где твои книги. Дай нам целковый». Я побожился, что дам, непременно дам, хоть Христа ради попрошу по миру; вот, коли хотите возьмите под залог паспорт мой. Они сказали, что книги мои в обозе везутся, с прочими обысканными у них воровскими вещами. «Как же я могу получить их?» -- «Проси капитана, который нас провожает». Я бросился к капитану и объяснил все подробно. Между прочим, он спросил меня: «Неужели ты умеешь читать Библию?» -- «Не только умею всё читать, -- ответил я, -- но даже и писать: вы увидите на Библии надпись, что она моя, а вот и в паспорте моём означено то же имя и прозвание». Капитан начал говорить: «Эти мошенники беглые солдаты, они жили в землянке и многих грабили. Их вчера поймал

ловкий ямщик, у которого они хотели отбить тройку. Пожалуй, я выдам тебе твои книги, коли они тут есть, но ты иди с нами на ночлег; тут недалеко, версты четыре, а то не останавливать же этап и обоз для тебя». Я с радостью пошёл около верховой капитанской лошади да разговорился с ним. Увидел, что он человек добрый и честный и уже не молод. Он спрашивал меня, кто я, откуда и куда иду. Я всё отвечал по сущей правде; и так мы достигли до ночлежной этапной избы. Он, отыскавши мои книги, мне отдал, да и говорит: «Куда ж теперь ночью тебе идти, ночуй вот у меня в прихожей». Я остался.

Получивши книги, я так был рад, что не знал как благодарить Бога; прижал книги к моей груди и держал до тех пор, что руки даже окостенели. Слезы лились из глаз моих от радости, и сердце сладко билось от восторга!

Капитан, смотря на меня, спросил: «Видно, ты любишь читать Библию». Я от радости не мог ничего на сие ответить, только плакал. Он продолжал: «Я сам, брат, аккуратно читаю каждый день Евангелие. -- При сём расстегнул мундир и снял маленькое Евангелие киевской печати, всё окованное серебром. -- Сядь-ка, я расскажу тебе, что к этому меня привело. Да подайте-ка нам ужинать!» Мы сели за стол, капитан начал рассказывать:

-- Я с молодых лет служил в армии, а не в гарнизоне; знал службу и любим был начальством, как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели тоже; я по несчастю и приучился пить, да под конец так, что открылась и запойная болезнь; когда не пью, то исправный офицер, а как запью, то недель шесть -- в лёжку. Долго терпели мне, наконец за грубости шефу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три года, с перемещением в гарнизон; а если не исправлюсь и не брошу пить, то угрожали строжайшим наказанием. В сём несчастном состоянии я сколько ни старался воздержаться и сколько от сего не лечился, никак не мог покинуть моей страсти, а потому и хотели переместить меня в арестантские уже роты. Услышав сие, не знал я, что с собою делать.

В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошёл к нам какой-то монах, с книжкой для сбора на церковь. Кто что мог, подали. Он, подошедши ко мне, спросил: «Что ты такой печальный?» Я, разговорившись с ним, пересказал моё горе; монах, сочувствуя моему положению, начал: «Точно то же было с моим родным братом, и вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие, да и накрепко приказал, чтобы он когда захочет вина, то нимало не медля прочёл бы главу из Евангелия; если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. Брат мой стал так поступать, и в

непродолжительном времени страсть к питию в нём исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берёт в рот. Поступай-ка и ты так, увидишь пользу. У меня есть Евангелие, пожалуй, я принесу тебе». Выслушав это, я сказал ему: «Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня?» Я сказал сие так, потому что никогда не читывал Евангелия. «Не говори этого, -- возразил монах, -- уверяю тебя, что будет польза». На другой день действительно монах принёс мне вот это Евангелие. Я раскрыл его, посмотрел, почитал да и говорю: «Не возьму я его; тут ничего не поймёшь; да и печать церковную читать я не привык». Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах Евангелия есть благодатная сила, ибо писано в нём то, что Сам Бог говорил. «Нужды нет, что не понимаешь, токмо читай прилежно. Один святой сказал, что если ты слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, то что ты читаешь, и трепещут; а ведь страсть пьянственная непременно по возбуждению бесов. Да вот тебе ещё скажу, святитель Иоанн Златоустый пишет, что даже та самая храмина, в которой хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобь приступна для их козней». Я не помню, что-то дал оному монаху, взял у него сие Евангелие, да и положил его в сундучок с прочими моими вещами и забыл про него.

Спустя несколько времени пришло время мне запить, смерть захотелось вина, и я поскорее отпер сундучок, чтобы достать деньги и бежать в корчму. Первое попало мне в глаза Евангелие, и я вспомнил живо всё то, что говорил мне монах, развернул и начал читать сначала первую главу от Матфея. Прочитавши её до конца, именно ничего не понял; да и вспомнил, что монах говорил: нужды нет, что не понимаешь, только читай прилежно. Дай, думаю, прочту другую главу; прочёл и стало понятнее. Дай же и третью; как только её начал, вдруг звонок в казарме: к местам на койки. Следовательно, уже идти за ворота было нельзя; так я и остался. Вставши поутру и расположившись идти за вином, подумал: прочту главу из Евангелия – что будет? Прочёл и не пошёл. Опять захотелось вина; я ещё стал читать и сделалось легче. Это меня ободрило; и при каждом побуждении к вину я стал читать по главе из Евангелия. Что дальше, то всё было легче, наконец, как только окончил всех четырёх евангелистов, то и страсть к питию совершенно прошла и сделалось к ней омерзение. И вот ровно двадцать лет я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка. Все удивлялись такой во мне перемене; по прошествии трёх лет опять возвели меня в офицерский чин, а потом в следующие чины и, наконец, сделали

меня командиром. Я женился, жена попалась добрая, нажили состояние и теперь, слава Богу, живём да бедным помогаем, по силе мочи, странных принимаем. Вот уже и сын у меня офицером и хороший парень.

Слушай же, с тех пор, как я исцелился от запоя, дал себе клятву: каждый день, во всю мою жизнь читать Евангелие, по целому евангелисту в сутки, не взирая ни на какие препятствия. Так теперь и поступаю. Если очень много бывает дела по должности и утомлюсь очень сильно, то вечером, лёгши, заставляю прочесть надо мною целого евангелиста жену мою или сына моего, и так неупустительно выполняю сие моё правило. В благодарность и во славу Божию я это Евангелие оправил в чистое серебро и ношу всегда на груди моей.

Со сладостию я выслушал сии речи капитана, да и сказал ему:

-- Такой же пример видел и я. В нашем селе на фабрике один мастеровой был очень искусный в своём деле, добрый и дорогой мастер, но, по несчастю, тоже запивал, да и часто. Один богобоязненный человек посоветовал ему, чтобы он, когда захочется ему вина, проговаривал по тридцать три Иисусовых молитвы в честь Пресвятой Троицы и по числу тридцатитрёхлетней земной жизни Иисуса Христа. Мастеровой послушался, стал это исполнять, и вскоре совершенно кинул пить. Да ещё что? Через три года ушёл в монастырь.

-- А что выше, -- спросил капитан, -- Иисусова молитва, или Евангелие?

– Всё одно и то же, -- отвечал я, -- что Евангелие, что Иисусова молитва, ибо Божественное имя Иисуса Христа заключает в себе все Евангельские истины. Святые отцы говорят, что Иисусова молитва есть сокращение всего Евангелия.

Наконец мы помолились; капитан начал читать Евангелие от Марка с начала, а я слушать и творить в сердце молитву, во втором часу за полночь капитан окончил и мы разошлись на покой.

По обыкновению моему я встал рано поутру; все ещё спали, и как только начало светать, я кинулся к моему любимому «Добротолюбию». С какою радостию я раскрыл его! Как будто увиделся с родным отцом, бывшим в далёкой стороне, или как бы с другом, из мёртвых воскресшим. Я лобызал его и благодарил Бога, возвратившего мне оное. Немедленно я начал читать Феопампа Филадельфийского во второй части «Добротолюбия». Удивило меня его наставление, в котором он предлагает в одно и то же время одному и тому же человеку отправлять три разнородные дела: сидя

в трапезе, говорит он, телу давай пищу, слуху чтение, уму же молитву. Но воспоминание о прошедшем всерадостном вечере, опытно, на самом деле разрешило мне мысль сию. И мне открылась здесь тайна, что ум и сердце не одно и то же.

Когда встал капитан, я вышел, чтобы поблагодарить за его милости и проститься с ним. Он напоил меня чаем, дал мне целковый и простился. Итак, я пошёл в путь мой, радуясь. Прошедши с версту, вспомнил, что я обещал солдатам целковый, который неожиданно теперь у меня есть. Отдать ли мне его им или нет? Одна мысль говорила мне: они тебя побили и ограбили, да и употребить его им в свою пользу нельзя, ибо они под стражею. А другая мысль представляла другое: вспомни слова из Евангелия Иисуса Христа: *«Аз же глаголю вам: любите враги ваша»* (Мф. 5, 44). Утвердившись сим, я вернулся, и только что подхожу к этапу, всех колодников вывели, чтоб гнать на следующую станцию; я скоренько подбежал к моим давешним обидчикам, сунул в руки им целковый, да сказал: «Кайтесь и молитесь: Иисус Христос человеколюбив, Он вас не оставит!» -- и тогда уже удалился от них и пошёл в другую сторону по своей дороге.

Прошедши вёрст пятьдесят по большой дороге, вздумал я для большего уединения и удобнейшего чтения свернуть на проселок. Долго я шёл лесами, изредка кое-где попадались и небольшие деревни. Иногда по целому дню просиживал в лесу, прилежно читая «Добротолюбие»; многое и дивное познание почерпал я из него. Сердце моё распалялось к соединению с Богом, посредством внутренней молитвы, которую изучить я стремился, при руководстве и проверке «Добротолюбием»; и вместе с сим скорбел, что не нахожу ещё пристанища, где спокойно можно было бы постоянно заниматься чтением.

В сие время также читал я и мою Библию и чувствовал, что начал понимать её яснее, не так как прежде, когда весьма многое казалось мне непонятным и я часто встречал недоумение. Справедливо говорят святые отцы, что «Добротолюбие» есть ключ к отверзению тайн в Священном Писании. При руководстве оным, я стал отчасти понимать сокровенный смысл слова Божия; мне начало открываться, что такое внутренний потаённый сердца человек, что есть истинная молитва, что такое поклонение духом, что царствие внутри нас. Когда я начинал молиться сердцем, всё окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет -- всё как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к человеку и всё молится, всё воспекает славу Богу. И я понял из сего, что называется в

«Добротолюбии» *«ведением словес твари»*, и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими.

art4all.ru

Много времени я так путешествовал. Наконец зашёл в такое глухое место, что дня три не попадалось ни одной деревни. Сухари мои все вышли и я гораздо приуныл, как бы не умереть с голоду. Как скоро начал молиться сердцем, уныние прошло, весь я возложился на волю Божию, и сделался весел и покоен. Несколько прошедши по дороге, лежавшей возле огромного леса, я увидел впереди меня выбежавшую из леса дворную собаку; я поманил её и она, подошедши, начала около меня ласкаться. Обрадовался я и подумал: вот и милость Божия! Непременно в этом лесу пасётся стадо, и, конечно, это ручная собака пастуха или, может быть, охотник ходит за охотою; так ли, сяк ли, но, по крайней мере, могу хотя мало выпросить хлеба, ибо другие сутки не ел, или же могу расспросить, где по близости есть селение. Повертевшись около меня и видя, что нечего у меня взять, собака опять побежала в лес по той узенькой тропинке, по коей выходила на дорогу. Я последовал за нею; прошедши сажен двести, между деревьями увидел, что собака ушла в нору, из коей, выглядывая, начала лаять.

Вот из-за толстого дерева выходит мужик, худой, бледный, средних лет. Он спросил меня, как я сюда зашёл. Я его спросил, зачем он тут находится. И мы ласково разговорились. Мужик позвал меня в свою землянку и объявил мне, что он полесовщик и стережёт этот лес, проданный на срубку. Он предложил мне хлеб и соль, и завелась между нами беседа.

-- Завидую я тебе, -- сказал я, -- что ты так удобно можешь жить в уединении от людей, не так, как я: скитаюсь с места на место да толкусь между всяким народом.

-- Если есть охота, -- говорит он, -- то, пожалуй, и ты здесь живи, вон недалеко есть старая землянка, прежнего сторожа, она хотя пообвалилась, но летом-то ещё жить можно. Паспорт у тебя есть. Хлеба с нас будет, мне приносят каждую неделю из нашей деревни; вот и ручеек, который никогда не пересыхает. Я сам, брат, лет уже десять ем только один хлеб да пью воду, и больше никогда ничего. Да, вот в чём дело: осенью как отработаются мужики, то наедет сюда человек двести работников и этот лес срубят, тогда и мне здесь будет не у чего, да и тебе не дадут жить здесь.

Выслушавши всё это, я так возрадовался, что так бы и упал ему в ноги. Не знал, как благодарить Бога за такую ко мне милость. О чём скорбел, чего желал, то теперь неожиданно получаю. До глубокой осени ещё слишком четыре месяца, и потому я могу в это время воспользоваться безмолвием и спокойствием, удобным к внимательному чтению «Добротолюбия» для изучения и достижения непрестанной молитвы в сердце. Итак, я с радостью остался до времени жить в указанной мне землянке. Мы ещё более разговорились с сим, приютившим меня, простым братом. Он стал рассказывать мне свою жизнь и свои мысли.

-- Я был, -- говорил он, -- в деревне своей не последний человек, имел мастерство, красил кумач да синил крашенину и жил в довольстве, хотя и не без греха: много обманывал по торговле, божился понапрасну, ругался по-матерну, напивался и дрался. Был в нашем селе старый дьячок, у которого была старинная-престаринная книжка о Страшном Суде. Он, бывало, ходит по православным да и читает, а ему за это дают деньги; хаживал и ко мне. Бывало, дашь ему копеек десять, так и будет читать от вечера да вплоть до петухов. Вот я, бывало, и слушаю, сидя за работой, а он читает, какие нам будут муки в аду, как изменятся живые, и мёртвые воскреснут, как Бог сойдет судить, как Ангелы в трубы затрубят, и какой огонь, смола будут, и как червь грешников будет есть. В одно время, когда я слушал это, мне стало страшно, я

подумал: «Уж муки мне не миновать! Пстой, примусь душу спасать, может быть, и отмолю мои грехи». Подумал-подумал, да и бросил мой промысел, избу продал и, как был одинок, пошёл в полесовщики с тем, чтобы мир давал мне хлеб, одежду, да восковые свечи на богомолье. Вот так и живу здесь более десяти лет. Ем только по разу в день, и то один хлеб с водою; каждую ночь встаю с первых петухов и до свету кладу земные поклоны; когда молюсь, затепливаю по семи свечек перед образами. Днём же, когда обхаживаю лес, ношу вериги в два пуда на голом теле. По-матерну не бранюсь, вина и пива не пью и не дерусь ни с кем, баб и девок от роду не знаю. Сначала мне так жить было охотнее, а под конец нападают на меня неотступные мысли. Бог знает, грехи-то отмолишь ли, а жизнь-то трудная. Да и правда ли в книжке-то написано? Где, кажется, воскреснуть человеку? Иной уже умер лет сто или больше, его уже и праху-то нет. Да и кто знает, будет ли ад, нет ли? Ведь никто с того света не приходил; кажется, как человек умрёт да сгниет, то так и пропадёт без вести. Может быть, книжку-то написали попы да начальники сами, чтоб устроить нас дураков, чтобы мы жили поскромнее. И так и на земле-то живёшь в трудах и ничем не утетишься, и на том свете ничего не будет, так что же из этого? Не лучше ли хоть на земле-то пожить попрохладнее и повеселее? Сии мысли борют меня, -- продолжал он, -- и боюсь, не приняться бы опять за прежний мастеровой промысел!

Слушая это, я жалел о нём, и думал сам себе: «Говорят, что одни учёные и умные бывают вольнодумцами и ничему не верят, вот и наша братия, простые мужики, какие замышляют неверия! Видно, тёмному миру попущено ко всем иметь доступ, а на простых-то, может быть, он нападает и удобнее. Надо сколь можно умудряться и укрепляться против врага душевного словом Божиим». Итак, чтобы сколько можно помочь и поддержать веру в сём брате, я достал из сумки «Добротолюбие», отыскал 109-ю главу преподобного Исихия, прочёл и начал ему растолковывать, что воздержание от грехов страха ради мук не успешно и неплотно, и невозможно душе освободиться от мысленных грехов ничем иным, кроме хранения ума и чистоты сердца.

-- Итак, всё это приобретается внутреннею молитвою, -- прибавил я ещё, -- и не только страха ради адских мук, но даже и желания ради Царства Небесного, если кто станет совершать спасительные подвиги, то и это святые отцы называют делом наёмническим. Они говорят, что боязнь муки есть путь раба, а желание награды в Царствии есть путь наёмника. А Бог хочет, чтоб мы шли к Нему путём сыновним, то есть из любви и усердия к Нему вели себя честно и

наслаждались бы спасительным соединением с Ним в душе и сердце.

Сколько ни изнуряй себя, какие хочешь проходи телесные труды и подвиги, но если не будешь иметь всегда Бога в уме да непрестанной Иисусовой молитвы в сердце, то ты никогда не успокоишься от помыслов и всегда будешь удобопреклонен к греху, при малейших даже случаях. Примись-ка, брат, беспрестанно творить Иисусову молитву. Ведь тебе это можно и удобно здесь в уединении, ты скорую увидишь пользу. Не будут и помыслы безбожные приходить, откроется тебе и вера, и любовь к Иисусу Христу; узнаешь, как и мёртвые воскреснут, и Страшный Суд покажется тебе так, как истинно он будет. А в сердце-то будет такая лёгкость и радость от молитвы, что ты удивишься и не будешь уже скучать да смущаться спасительным житием твоим.

Далее, как мог, я растолковал ему, как начать и как продолжать беспрестанно Иисусову молитву и как заповедует о сём слово Божие, и поучают святые отцы. Он, по-видимому, как бы изъявлял на то согласие и поуспокоился. После сего я, расставшись с ним, затворился в указанной мне ветхой землянке.

Боже мой! Какую я почувствовал радость, спокойствие и восхищение, как только переступил за порог этой пещеры или, лучше сказать, могилы. Она представлялась мне великолепным царским чертогом, исполненным всякого утешения и веселия. С радостными слезами благодарил я Бога, и размышлял: вот теперь-то уже, при таком покое и тишине, надо пристально заняться своим делом и просить от Господа вразумления.

Итак, начал я, во-первых читать «Добротолюбие», всё по порядку, с начала до конца, с великим вниманием. В непродолжительном времени прочёл всё, и увидел, какая мудрость, святость и глубина в нём содержатся. Но как в нём писано о многих и разных предметах и разнообразными наставлениями святых отцов, то я и не мог всего понять и свести в одно место всего того, что хотелось мне узнать в особенности о внутренней молитве, дабы почерпнуть из того способ к изучению непрестанной самодействующей молитвы в сердце. А этого очень хотелось, по заповеди Божией чрез апостола: *«Ревнуйте же дарований больших»* (1Кор. 12, 31) и ещё: *«Духа не угашайте»* (1Сол. 5, 19). Думал, думал, как быть? Ума моего не хватает, понятия тоже, растолковать некому. Начну докучать Господу молитвой; авось Господь и вразумит как-нибудь. После сего я целые сутки ничего не делал, как только был в непрестанной молитве, не

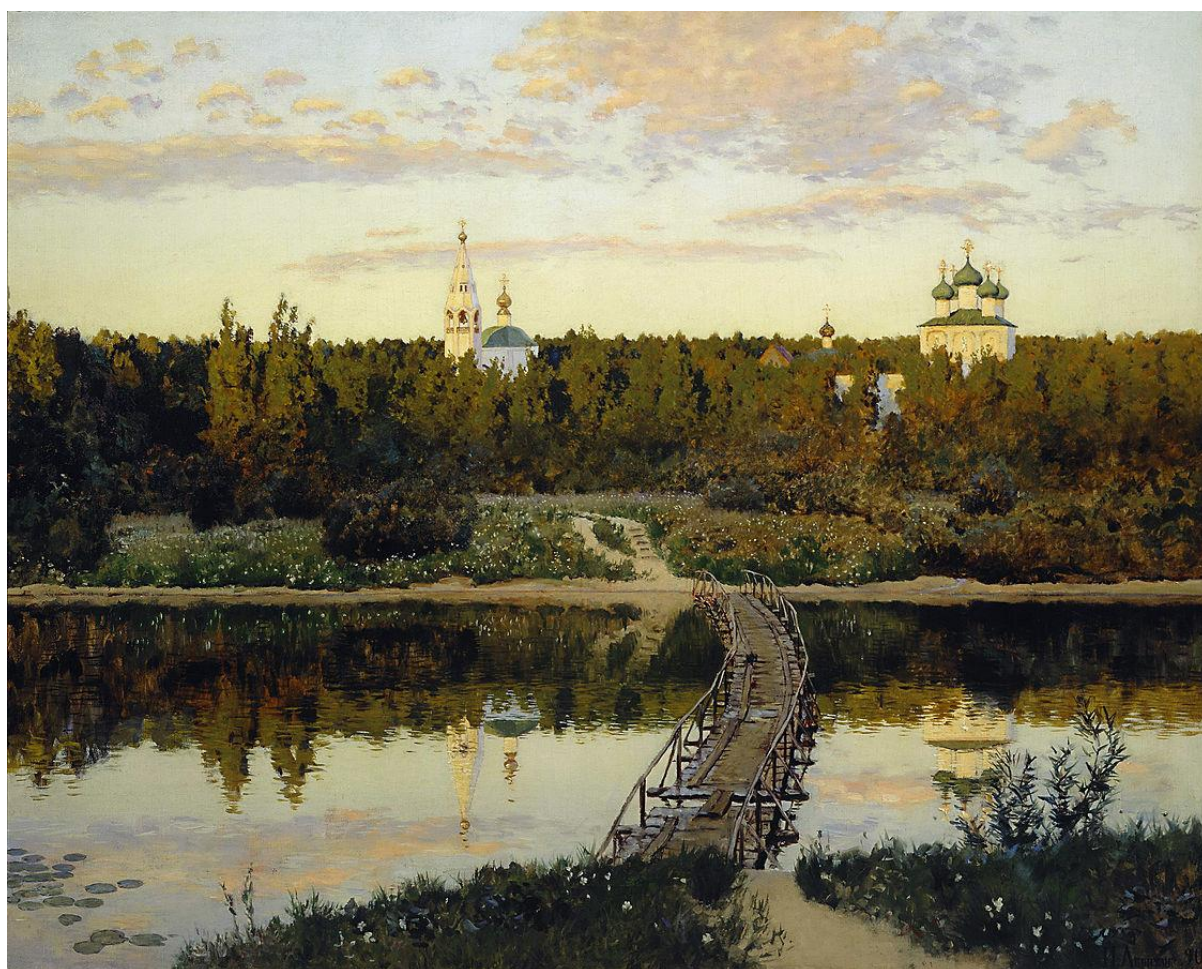
переставая ни на малейшее время; мысли мои успокоились и я заснул.

В вот и вижу во сне, будто я в келье покойного старца моего и он толкует «Добротолюбие», да и говорит: «Сия святая книга исполнена великой мудрости. Она есть таинственное сокровище разумений сокровенных судеб Божиих. Не по всем местам и не каждому она доступна, однако ж по мере каждого разумевателя содержит таковые наставления: для мудрых – мудрые, для простых – простые. А потому вам, простецам, должно читать её не тем порядком, как расположены в ней книги святых отцов одна за другую. Там этот порядок богословский, а неучёному человеку, хотящему научиться из «Добротолюбия» внутренней молитве, должно читать его следующим порядком: во-первых, прочесть книгу Никифора монашествующего; потом книгу Григория Синаита всю, кроме кратких глав; преподобного Симеона Нового Богослова о трёх образах молитвы и Слово о вере; и за сим книгу Каллиста и Игнатия. В сих отцах содержится полное наставление и учение о внутренней молитве сердца, понятное для каждого. А если ещё понятнейшее наставление о молитве желаешь видеть, то найди в четвёртой части образ молитвы вкратце святейшего патриарха Константинопольского Каллиста. Я как будто держа в руках моё «Добротолюбие», начал отыскивать сказанное наставление, но никак не мог вскоре найти оное. Старец сам, перевернувши несколько листов, сказал: «Вот оно! Я тебе его замечу», -- и, поднявши с земли уголь, подчеркнул оным на поле книги, против найденных слов. Всё, что старец говорил, я внимательно слушал и старался как можно твёрже и подробнее помнить.

Проснулся я, и как ещё не рассветало, то лежал и повторял в памяти всё виденное мною во сне и что говорил мне старец. Наконец начал размышлять: «Бог знает, душа ли покойного старца является мне или собственные мысли так подстраиваются, ибо я часто и много думаю о «Добротолюбии» и о старце». С сим недоумением я встал, начинало уже светать. И что же? Вижу на камне, который был вместо стола в моей землянке, разогнутое «Добротолюбие» на том самом месте, которое указывал мне старец, и подчёркнутое угольком, точно так, как я видел во сне, даже и самый уголь лежал при книге. Это изумило меня, ибо твёрдо помню, что с вечера книги тут не было: она свёрнутая лежала у меня в головах, и также верно знаю, что прежде никакой заметки на показанном месте не было.

Сей случай уверил меня в истине сновидения и в богоугодности блаженной памяти старца моего. Вот я и принялся читать «Добротолюбие» по тому самому порядку, который указал мне

старец. Прочёл раз, прочёл то же и в другой, и сие чтение распаляло в душе моей охоту и усердие, чтобы всё прочтённое испытать на деле. Мне понятно и ясно открылось, что значит внутренняя молитва, какие средства к достижению оной и что от неё бывает, и как она наслаждает душу и сердце, и как распознавать сию сладость, от Бога ли она или от естества, или от прелести.

Итак, прежде всего, я приступил к отыскиванию места сердечного, по наставлению Симеона Нового Богослова. Закрыв глаза, смотрел умом, то есть воображением в сердце, желая представить себе, как оно есть в левой половине груди, и внимательно слушал его биение. Так занимался я сперва по полчаса, несколько раз в день. Вначале ничего не примечал, кроме темноты. Потом в скором времени начало представляться сердце и означаться движение в оном; далее я начал вводить и изводить Иисусову молитву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святых Григория Синаита, Каллиста и Игнатия, то есть, втягивая в себя воздух, с умственным смотрением в сердце воображал и говорил: «Господи Иисусе Христе, -- а с

испущением из себя воздуха, -- помилуй мя». Сперва я сим занимался по часу и по два, потом чем дальше, тем чаще стал так упражняться и, наконец, почти целый день провождал в сём занятии. Когда нападала тягость или леность, или сомнение, я немедленно начинал читать в «Добротолюбии» те места, кои наставляют о сердечном делании, и опять являлась охота и усердие к молитве. Недели через три начал чувствовать боль в сердце, потом некую приятнейшую теплоту в оном, отраду и спокойствие. Это возбуждало и заохочивало меня более и более с прилежностію упражняться в молитве, так что все мысли мои были сим заняты и я ощущал великую радость.

С сего времени я начал чувствовать разные повременные ощущения в сердце и в уме. Иногда бывало, что как-то насладительно кипело в сердце, в нём была такая легкость, свобода и утешение, что я весь изменялся и прелагался в восторг. Иногда чувствовалась пламенная любовь к Иисусу Христу и ко всему созданию Божию. Иногда сами собой лились сладкие слёзы благодарения Господу, милующему меня окаянного грешника. Иногда прежнее глупое понятие моё так уяснялось, что я легко понимал и размышлял о том, о чём прежде не мог и вздумать. Иногда сердечная сладостная теплота разливалась по всему составу моему и я умилённо чувствовал при себе везде присутствие Божие. Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа, и познавал, что значит сказанное Им: *«Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк. 17, 21).

Испытывая таковые и подобные сим насладительные утешения, я заметил, что последствия сердечной молитвы открываются в трёх видах: в духе, в чувствах и откровениях. В духе, например, сладость любви Божией, внутренний покой, восхищение ума, чистота мыслей, сладостное памятование Бога. В чувствах -- приятное растепливание сердца, наполнение сладостию всех членов, радостное кипение в сердце, лёгкость и бодрость, приятность жизни, нечувствительность к болезням и скорбям. В откровениях -- просветление разума, понятие Священного писания, познание словес твари, отрешение от сует и познание сладости внутренней жизни, уверение в близости Божией и любви Его к нам.

Месяцев пять проведши уединенно в сём молитвенном занятии и наслаждении помянутыми ощущениями, я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней беспрестанно и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого со стороны моего побуждения производится и изрекается в уме моём и сердце, не токмо в бодрственном состоянии, но даже и во сне действует

точно так же и ни от чего не прерывается, не перестает ни на малейшую секунду, что бы я ни делал. Душа моя благодарила Господа и сердце истаявало в непрестанном веселии.

Настало время рубки леса, начал стекаться народ, и я должен был оставить безмолвное моё жилище. Поблагодаривши полесовщика, я помолился, поцеловал тот клочок земли, на котором Бог удостоил меня, недостойного, Своей милости, надел сумку с книгами, да и пошёл.

Весьма долго я скитался по разным местам, куда добрёл до Иркутска. Сердечная, самодействующая молитва была утешением и отрадою во всём пути, при всех встречах, она никогда не переставала улаживать меня, хотя и в разных степенях, где бы я ни находился, что бы ни делал, чем бы ни занимался, ничему она не мешала и ни от чего не умалялась. Если что работаю, а молитва сама собою в сердце и дело идёт скорее; если что внимательно слушаю или читаю, а молитва всё не перестает, и я в одно и то же время чувствую и то и другое, точно как будто я раздвоился, или в одном теле моём две души. Боже мой! Как таинственен человек!..

Много также встречалось на пути моём чудных случаев и происшествий. Если всех их стать рассказывать, то и в сутки не окончить. Да вот, например: однажды зимою под вечер шёл я один леском в одну деревню ночевать, которая уже была версты за две в виду. Вдруг напал и кинулся на меня большой волк. У меня были в руках старцевы шерстяные чётки, я всегда имел их при себе. Вот и я отмахнул этими чётками волка. И что же? Чётки вырвались у меня из рук и зацепились как-то прямо за шею волка, волк бросился от меня прочь и, прыгнувши через терновый куст, запутался задними лапами в кусте, а чётками-то зацепился за сук сухого дерева, да и начал биться; но высвободиться ему было неудобно, ибо чётки стянули ему шею. Я с верою перекрестился да и пошёл с намерением волка высвободить, а более для того, что думал, если он оборвёт чётки да убежит с ними, то и драгоценные мои чётки пропадут. Только что я подошёл и взялся за чётки, действительно, волк прервал их и побежал без вести.

И так я, поблагодарив Бога и помянув блаженного старца моего, благополучно дошёл до деревни; пришёл на постоялый двор и выпросился ночевать. Вошёл в избу. В переднем углу за столом сидели двое: один старичок, другой толстый, средних лет, по виду как будто не простые. Они кушали чай. Я спросил мужика, бывшего при их лошади, кто они такие. Тот сказал мне: «Старичок -- учитель народного училища, а другой -- писарь земского суда, оба

благородные. Я везу их на ярмарку, верстах в двадцати отсюда». Посидевши несколько, я выпросил у бабы иголку с ниткой, подошёл к свечке, да и стал сшивать разорванные мои чётки. Писарь посмотрел да и говорит:

-- Видно, ты прилежно бил поклоны, что и чётки-то разорвал?

– Не я разорвал, а волк...

– Как, разве волки-то молятся? – сказал засмеявшись писарь. Я рассказал им подробно, как было дело, и как драгоценны для меня сии чётки. Писарь опять засмеялся и стал говорить:

-- У вас, пустосвятов, всегда чудеса! А что тут святого? Просто ты швырнул в него, а волк испугался да ушёл; ведь и собаки, и волки швырков боятся, и зацепиться в лесу немудрено. Мало ли что бывает на свете, так всему и верить, что чудеса?

Услышавши это, учитель начал с ним разговор:

-- Не заключайте, сударь, так! Вам неизвестна учёная часть... А я вижу в повествовании этого мужика таинство природы и чувственной, и духовной...

– Как же это так? – спросил писарь.

-- А вот видите, вы хотя не имеете дальнейшего образования, но, конечно, изволили учить краткую Священную историю Ветхого и Нового Завета, изданную по вопросам и ответам для училищ. Помните ли, что когда первосозданный человек Адам был в невинном святом состоянии, тогда все животные и звери были ему в покорении, они со страхом подходили к нему, и он нарицал им имена. Старец, чьи сии чётки, был свят. А что значит святость? Не что иное, как через подвиги возвращение невинного состояния первого человека в грешном человеке, когда освящается душа, освящается и тело. Чётки всегда бывали в руках старца, следовательно, чрез прикосновение к ним рук и испарений его, привита к ним святая сила, – сила невинного состояния первого человека. Вот таинство природы духовной!.. Сию силу, по преемству, естественно ощущают все животные и доныне, и ощущают посредством обоняния; ибо нос у всех зверей и животных есть главнейшее орудие чувств. Вот таинство природы чувственной!..

-- У вас, учёных, всё силы да премудрости, а мы так всё попросту: вот как нальешь рюмку водки, да хлопнешь, так и будет сила, -- сказал писарь да и пошёл к шкафу.

-- Это дело ваше, – сказал учитель, – а уже учёные ведения прошу предоставить нам.

Мне понравилось, как говорил учитель и я, подошедши к нему, сказал:

-- Осмелюсь, батюшка, еще нечто сказать вам о моём старце, -- да и объяснил ему, как он мне виделся во сне, как учил и как подчеркнул на «Добротолюбии». Учитель всё сие выслушал со вниманием. А писарь, лёжа на лавке, ворчал:

-- Правду говорят, что с ума сходят да зачитываются Библиею. Вот оно так и есть! Какой леший будет тебе чертить по ночам на книгах? Просто сам во сне уронил на пол книгу да и замарал в саже... Вот тебе и чудо! Ой! Уж эти пройдохи, много мы, брат, видали вашей братии! -- пробормотавши это, писарь повернулся к стене и заснул.

Я, слыша это, обратился к учителю да и сказал:

-- Вот, если угодно, то я покажу вам и ту самую книгу, на которой правильно подчёркнуто, а не намарано сажей, -- вынул из сумки «Добротолюбие» да и показываю, говоря, -- удивляюсь этой премудрости, как бестелесная душа могла взять уголь и писать?..

Учитель, посмотревши заметку, начал говорить:

-- И это таинство духов. Я сие объясню тебе. Вот видишь, когда духи являются в телесном виде живому человеку, они набирают и составляют себе осязаемое тело из воздуха и световой материи, и когда совершают свое явление, опять возвращают занятое ими в те стихии, из коих был почерпнут состав их тела. И как воздух имеет упругость, сжимательную и растягательную силу, то душа, облачённая в него, может всё брать, действовать и писать... Да какая это у тебя книга? Дай-ка я посмотрю, -- он разогнул книгу и открылось Симеона Нового Богослова слово и речь, -- это, должно быть, книга богословская. Я никогда её не видывал...

-- Эта книга, батюшка, вся почти состоит из учения о внутренней сердечной молитве во имя Иисуса Христа, оно раскрыто здесь во всей подробности двадцатью пятью святыми отцами.

— А внутреннюю молитву я знаю, -- сказал учитель.

Я поклонился ему в ноги и просил сказать мне что-нибудь о внутренней молитве.

-- А вот что в Новом Завете сказано, что человек и вся тварь суете повинуются не волею (Рим. 8, 20), и всё естественно воздыхает, стремится и желает войти в свободу чад Божиих; и это таинственное воздыхание тварей и врождённое стремление душ есть внутренняя молитва. Ей нечего учиться, она есть во всех и во всём!

-- А как же обрести, открыть и восчувствовать её в сердце, сознать и принять волею своею, достигнуть, чтоб она явственно действовала, наслаждала, просвещала и спасала бы? – спросил я.

-- Не помню, писано ли где об этом в богословских трактатах, – ответил учитель. -- Вот здесь, здесь всё это написано, -- указал я.

Учитель взял карандаш, записал название «Добротолюбие» да и говорит:

-- Непременно выпишу сию книгу из Тобольска и рассмотрю её.

И так мы расстались. Пошедши, я благодарил Бога за беседу с учителем, а о писаре молился, чтобы Господь устроил, хотя бы однажды, прочесть ему «Добротолюбие» и вразумил бы его во спасение.

А то ещё раз весною, приходя в одно село, случилось остановиться мне у священника. Он был человек добрый и одинокий. Я провёл у него три дня. Рассмотревши меня в сие время, он стал мне говорить:

-- Остайся у меня, я положу тебе плату; мне нужен человек добросовестный; ты видел, что у нас строится при старой деревянной церкви новая каменная. Не могу найти верного человека, который бы посмотрел за рабочими да сидел в часовне для сбора подаяния на постройку, а вижу, что ты был бы к сему способен, да и тебе по твоему направлению было бы жить хорошо; сидел бы один в часовне, да молился Богу, там есть и каморка уединённая для сторожа – остайся, пожалуйста, хотя только на сие время покуда церковь окончится.

Хотя и долго я отказывался, но по убедительной просьбе священника должен был согласиться. Так и остался на лето до осени. Вот и стал жить в часовне. Сначала мне было спокойно и удобно упражняться в молитве, хотя и много народа приходило в часовню, особенно в праздничные дни, иные молиться, иные позевать, а иные стащить что-нибудь с сборной тарелки. И как я по временам читывал то Библию, то «Добротолюбие», то некоторые из приходивших, видя сие, заводили со мною разговор, другие прашивали прочесть им что-нибудь.

По некотором времени я заметил, что одна какая-то крестьянская девица часто ходила в часовню и подолгу молилась Богу. Прислушавшись к её бормотанью, я узнал, что она читает какие-то странные молитвы, а иные совсем перековерканные. Я спросил, кто её сему научил. Она сказала, что мать, которая была церковная, а отец её раскольник по беспоповщине. Пожалевши о всём этом, я

советовал ей, чтоб она правильно, по преданию святой Церкви, читала молитвы, и потому толковал ей «Отче наш», да «Богородице Дево, радуйся». И, наконец, сказал: «Твори-ка ты почаще да побольше Иисусову молитву; она доходнее всех молитв до Бога, и ты получишь чрез неё спасение души». Девушка приняла совет мой со вниманием и начала так поступать в простоте. И что же? После непродолжительного времени объявила мне, что привыкла к Иисусовой молитве, что чувствует влечение беспрестанно, если бы было можно, ею заниматься и когда молится, то чувствует приятность и по окончании также радость и охоту опять молиться. Я порадовался сему и советовал ей далее и более продолжать молитву во имя Иисуса Христа.

Время подходило к концу лета; многие из приходящих в часовню начали приходить и ко мне не только уже за чтением и советами, но и с разными житейскими скорбями и даже за узнаванием отыскивания потерь и пропажей; видно, иные почли меня за ворожею. Наконец и помянутая девушка в горести пришла за советом, как ей быть. Отец вознамерился отдать её замуж поневоле за раскольника, тоже беспоповщинского, и венчать будет мужик. «Какой же это законный брак, – воскликнула она, – это всё равно, что блуд! Я хочу бежать, куда глаза глядят». Я сказал ей: «Куда же ты убежишь? Ведь опять найдут же тебя. В нынешнее время нигде не укроешься без вида, везде сыщут; а лучше молись поусерднее о сём Богу, чтоб Он Своими судьбами разрушил намерение твоего отца и

сохранил бы душу твою от греха и от ереси. Это будет надёжнее твоего бегства».

Время шло далее, и мне невыносимо стало шумно и соблазнительно. Наконец кончилось и лето, я решился оставить часовню и продолжать, как и прежде, путь мой. Пришёл к священнику и начал говорить ему:

-- Вам, батюшка, известно моё устройство. Мне нужна тишина для занятия молитвою, а здесь – развлечение, что очень для меня вредно. Вот я исполнил вам послушание, лето прожил; теперь меня отпустите и благословите на уединенный путь.

Священнику не хотелось отпустить меня, и он начал меня уговаривать:

-- Что тебе мешает и здесь молиться? Ведь дела у тебя никакого нет, кроме того, чтобы сидеть в часовне, а хлеб готовый у тебя есть. Пожалуй, там день и ночь молись; живи-ка брат с Богом! Ты способен и полезен для сего места, с приходящими пустяков не болтаешь, а церкви Божией приносишь доход и собираешь верно. Это угоднее перед Богом, нежели твоя уединённая молитва. Что тебе в уединении, с народом-то молиться ещё веселее. Бог создал человека не для того, чтоб он одного себя только знал, но чтоб люди друг другу помогали, друг друга вели ко спасению, кто чем может. Посмотри-ка на святых и на вселенных учителей, они день и ночь хлопотали и пеклись о Церкви, да и повсюду проповедовали, а не сидели в уединении и не скрывались от людей.

-- Всякому, батюшка, свое Бог даёт дарование; много было проповедников, много было и отшельников. Кто какую и к чему находил в себе склонность, тот так и поступал и веровал, что Сам Бог указывал в этом ему спасительный путь. А как вы это мне рассудите, что многие из святых оставляли и сан святительский, настоятельский и священнический и убегали в уединённые пустыни, дабы не смущаться среди народа. Так преподобный Исаак Сирий бежал от своей епископской паствы; так преподобный Афанасий Афонский кинул свою многочисленную обитель, и именно потому, что те места были для них соблазнительные, и что они истинно верили гласу Иисуса Христа: *«Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою отщетит»* (Мф. 16, 26).

-- Да ведь они были святые, -- сказал священник.

-- Если святые, -- ответил я, -- остерегались, чтобы не повредиться сообщением с людьми, то что же остаётся делать бессильному грешнику?

Наконец, простился я с этим добрым священником, и он с любовью проводил меня в путь. Прошедши вёрст десять, я остановился ночевать в деревне. На сём ночлеге я увидел отчаянно больного мужика и советовал бывшим около него, чтобы его причастить Святых Христовых Таин. Согласились, и к утру послали за священником в приходское их село. Я остался подождать, чтобы поклониться Святым Дарам и помолиться при сём великом Таинстве.

Вышел на улицу, сел на завалинке да и дожидаюсь, чтобы встретить священника. Вдруг неожиданно с задворья выбегает ко мне та девица, которая маливалась в часовне.

-- Как ты сюда попала? -- спросил я.

-- У нас назначено было быть рукобилью, чтобы выдать меня за раскольника, и я ушла.

При сём поклонившись мне в ноги, начала говорить:

-- Сделай милость, возьми меня с собой и отведи в какой-нибудь женский монастырь; я не желаю замуж, буду жить в монастыре, да творить Иисусову молитву. Тебя там послушают и меня примут.

-- Помилуй, -- сказал я, -- куда мне тебя повести? Я в сей стороне ни одного женского монастыря не знаю, да и как я с тобой пойду, когда у тебя нет паспорта? Нигде тебя не примут; да и укрыться тебе нигде нельзя в нынешнее время, сейчас поймают да и пошлют по пересылке в своё место, да ещё накажут за бродяжничество. Иди лучше домой да молись Богу, а если не хочешь в замужество, то притвори себе какую-нибудь немощь. Это называется спасительное притворство; так поступали святая мать Климента и преподобная Марина, спасавшаяся в мужском монастыре, и многие другие.

В сие время, когда мы сидели да рассуждали, увидели, что четыре мужика гонят на паре по дороге и прямо подскакали к нам. Схватили девку, посадили её в телегу и с одним мужиком отправили, а трое связали мне руки и погнали меня обратно в то село, где я летом жил. На все мои оправдания они только кричали: «Мы тебе, святоша, дадим знать, как девок сманивать!» К вечеру привели меня в сельскую управу, заковали мне ноги в железо да посадили в тюрьму до утра, покуда соберутся судить. Священник, узнавши, что я в тюрьме, пришёл посетить меня; принёс поужинать, утешал меня и говорил, что заступится за меня и скажет, как духовный отец, что я не таких свойств, как о мне думают. Посидевши со мной, он ушёл. Позднее вечером исправник, проезжая куда-то чрез это село, остановился у выборного, и ему сказали о случившемся. Он велел собрать сходку и меня привести в судейскую избу. Мы вошли, стоим и ожидаем. Вот и пришёл исправник уже в кураже, сел за стол в фуражке, да и крикнул: «Эй, Епифан! Ведь девка, дочь твоя, ничего не снесла со двора?» -- «Ничего, батюшка!» -- «С этим болваном ни в каких дурных делах не уличены?» -- «Нет, батюшка!» -- «Так вот как мы дело-то рассудим да и порешим: ты с дочерью своею разделись сам, а этого молодца завтра мы проучим и прогоним, да накрепко закажем, чтобы он сюда больше не показывался. Вот и всё!» Сказавши это, исправник отправился в своё место спать, а меня

опять посадили в тюрьму. Рано поутру пришли двое, – сотский да десятский, высекли меня и выпустили; и я пошёл, благодаря Бога, что он удостоил меня потерпеть за имя Его. Это меня утешало и ещё более возгревало непрестанную сердечную молитву. Все сии происшествия нисколько не оскорбили меня, как будто случились с кем другим и я только их видел; даже когда меня секли, то и это в силу было терпеть; молитва, улаждавшая сердце, ничему внимать не попускала. Прошедши версты четыре, я встретил мать девицы, ехавшую с торгу с покупками. Она, увидев меня, сказала мне: «Жених-то наш отказался; рассердился, видишь, на Акульку, что от него бежала». Потом дала она мне хлеба да пирог, и я пошёл далее.

Погода была сухая, и я не захотел ночевать в какой-нибудь деревне, а увидевши вечером в лесу два огороженные стога сена, расположился под ними на ночлег. Когда заснул, вижу во сне, будто я иду по дороге и читаю главы Антония Великого из «Добротолюбия». Вдруг догнал меня старец, да и говорит: «Не тут читаешь, вот где читай», -- и указал на 35-ю главу Иоанна Карпафийского, в которой написано следующее: *«Иногда учивший предаётся в бесчестие и терпит искушения за пользовавшихся от него духовно»*. И ещё указал на 41-ю главу его же, где говорится: *«Елицы молитву зельнее употребляют, сии от страшных и свирепых искушений пленяемы суть»*. Потом старец стал говорить: «Бодрствуй духом и не унывай! Упование на помощь Божию подкрепляло и руководствовало к ревности и усердию святых молитвенников, кои не только свою жизнь провели в непрестанной молитве сами, но из любви поучали и открывали сие и другим, при случае и времени. Токмо в сём случае всемерно следует убегать тщеславия и охраняться, чтобы семя учения божественного не сеялось на ветер». Я, проснувшись, почувствовал в сердце моём великую радость, а в душе укрепление, и пошёл в путь мой далее.

После сего, спустя долгое время, и ещё был один случай; пожалуй и его расскажу. Однажды, именно двадцать четвёртого марта, я почувствовал непреодолимое желание, чтобы завтра, то есть в день, посвящённый Пречистой Божией Матери, в воспоминание Божественного Её Благовещения, причаститься Святых Христовых Таин. Расспросил, далеко ли церковь; сказали тридцать вёрст. Итак, я остаток дня и всю ночь шёл, чтобы поспеть к заутрени. Погода была самая ненастная, то снег, то дождь, и притом сильный ветер и холод. На дороге надо было переходить чрез небольшой ручеёк, и как только вошёл я на средину одного, лёд под ногами проломился и я окунулся по пояс в воду. Так, замочившись, я пришёл к заутрени; отстоял её и обедню, на которой Бог сподобил меня причаститься.

Чтобы провести сей день в спокойствии, без помехи духовной радости, я выпросился у церковного сторожа пробыть до завтра в караулке. Весь оный день я был в несказанной радости и сладости сердечной; лежал на полотах в сей нетопленной сторожке, как будто покоясь на лоне Авраамовом: молитва действовала сильно. Любовь ко Иисусу Христу и Матери Божией, как сладостные волны, клубилась в сердце и как бы погружала душу в утешительный восторг. К ночи вдруг почувствовал я сильный лом в ногах да и вспомнил, что они у меня мокрые. Пренебрегши этим, я начал прилежнее внимать сердцу с молитвою и не стал чувствовать боли. Поутру хотел встать, но вижу, что не могу и пошевелить ногами -- совсем отнялись и расслабли, как плети; сторож насилу стащил меня с полатей. Так я и сидел два дня недвижимый. На третий день сторож начал выгонять меня из караулки, говоря: «Если ты здесь умрёшь, то поди хлопочи за тобой». Едва-едва я выполз кое-как на руках, да и лёг на церковном крыльце.

Так лежал я и здесь дня два. Люди, проходившие мимо меня, не обращали ни малого внимания ни на меня, ни на мои просьбы.

Наконец какой-то мужик подошёл ко мне, сел да и разговорился. Между прочим сказал:

-- Что ты дашь? Я тебя вылечу. Со мной самим точь-в-точь так бывало; я знаю от сего снадобье.

-- Нечего мне тебе дать, -- ответил я.

-- А в мешке-то что у тебя?

-- Одни сухари, да книги.

-- Ну так поработаешь ли мне хоть одно лето, если я тебя вылечу?

-- И работать ничего не могу; ты видишь, что я одной только рукою владею, а другая совсем почти высохла.

-- Так, что же ты умеешь делать?

-- Ничего кроме того, что умею читать да писать.

-- А, писать! Ну, научи писать мальчишку, сынишку моего, он читать-то маленько знает, а мне хочется, чтобы писал. Но мастера просят дорого, двадцать рублей за выучку.

Я согласился, и они со сторожем оттащили меня и поместили у сего мужика на заднем дворе в старой пустой бане. Вот и начал он лечить меня; набрал по полям, по дворам и по помойным ямам целый четверик разных тлевших костей: и скотских, и птичьих, и всяких; перемыл да перебил их помельче камнем и положил в большую корчагу, закрыл крышкой, на которой была скважина, да и опрокинул во вкопанный в землю пустой горшок, а сверху корчагу толсто обмазал глиной, и, обложивши костром дров, жёг их слишком сутки, и, подкладывая дрова, говорил: «Вот это будет деготь из костей». На другой день откопал из земли горшок, в который натекло через скважину из корчаги с полштофа густой жидкости, красноватой, маслянистой и сильно пахучей, как бы живым сырым мясом; а кости, бывшие в корчаге, сделались из чёрных и гнилых так белы, чисты, прозрачны, как бы перламутр или жемчуг. Этой жидкостью натирал я свои ноги раз по пяти в день. И что же? На другие же сутки почувствовал, что могу шевелить пальцами; на третьи мог уже сгибать и разгибать ноги, а на пятый день стал на них и с палочкой прошёлся по двору. Словом, чрез неделю совершенно ноги мои укрепились по-прежнему. Я благодарил о сём Бога да и думал сам в себе: «Какая премудрость Божия в тварях! Сухие, сгнившие, почти совсем предавшиеся земле кости такую сохраняют в себе жизненную силу, цвет, запах и действие на живые тела и как бы сообщают жизнь омертвелым телам. Это – залог будущего воскресения тел. Вот бы

показать сие тому полесовщику, у которого я жил, при сомнении его о всеобщем воскресении!»

Оправившись таким образом, я начал учить мальчика, написал вместо прописи Иисусову молитву, заставил его списывать, показывая ему, как хорошенько выводить слова. Учить его было для меня спокойно, потому что он днём прислуживал у управителя и приходил ко мне учиться только в то время, когда управитель спал, то есть от рассвета до поздних обеден. Мальчик был понятлив и вскоре стал порядочно кое-что писать. Увидевши, что он пишет, управитель спросил его: «Кто тебя учит?» Мальчик сказал, что безрукий странник, который живёт у нас в старой бане.

Любопытный управитель из поляков пришёл посмотреть меня и застал меня за чтением «Добротолюбия». Разговорившись со мною, спросил:

-- Что ты читаешь?

Я показал ему книгу.

– А! Это «Добротолюбие», -- сказал он, -- я видел сию книгу у нашего ксендза, когда жил в Вильне. Однако же я наслышан о ней, что она содержит какие-то странные фокусы да искусства для молитвы, написанные греческими монахами, подобно тому как в Индии да Бухарии фанатики сидят да надуваются, добиваясь, чтоб было у них щекотание в сердце, и по глупости почитают это натуральное чувство за молитву, будто даваемую им Богом. Надо молиться просто с целью выполнения нашего долга пред Богом -- встал да прочёл «Отче наш», как научил Христос, вот на целый день и прав, а не беспрестанно ладить одно и то же; так, пожалуй, и с ума сойдешь, да и сердце-то повредишь.

-- Не думайте, батюшка, так о сей святой книге. Её написали не простые греческие монахи, а древние великие и святейшие люди, которых и ваша церковь почитает, как-то: Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, святитель Иоанн Златоуст и прочие. Да и индийские-то и бухарские монахи переняли у них же сердечный способ к внутренней молитве, но только перепортили и сами исказили его, как рассказывал мне мой старец. А в «Добротолюбии» все наставления о сердечном молитвенном действии почерпнуты из Слова Божия, из Святой Библии, в которой Иисус Христос повелел читать «Отче наш», также заповедывал и непрестанную сердечную молитву: *«Иисус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сия есть первая и большая заповедь»* (Мф. 22, 37); *«Блюдайте, бдите, и молитесь»* (Мк. 13, 33); *«Будите во Мне, и Аз в вас»* (Ин. 15, 4). Святые отцы толкуют, что должно христианину всеми мерами искать и достигать сладости в молитве и непрестанно искать в ней утешения, а не просто, только по однажды в день, читать «Отче наш». Вот я вам прочитаю, как сии святые осуждают тех, кои не стараются о снискании и изучении сладостной сердечной молитвы. Они пишут, что таковые погрешают в том, что 1) являются противоречащими Богодухновенным писаниям, что 2) не предполагают высшего и совершеннейшего состояния для души, но, довольствуясь одними наружными добродетелями, жажды правды иметь не могут, а потому лишаются блаженства и радования о Господе, что 3) мечтая о себе по внешним своим добродетелям, нередко впадают в прелесть или гордость и тем делают все свои усилия тщетными.

-- Это ты читаешь что-то высокое, -- сказал управитель, -- куда нам, мирским людям, за сим гнаться!

-- Вот я вам почитаю попростее и о том, как и в мирском быту добрые люди поучались непрестанной молитве.

Я нашёл в «Добротолюбии» Слово Симеона Нового Богослова о Георгии юноше и начал читать. Управителю это понравилось, и он сказал мне:

-- Дай-ка мне почитать сию книгу, в свободное время, когда-нибудь я рассмотрю её.

-- Пожалуй на сутки дам, а больше не могу, ибо я читаю её каждодневно и без неё не могу быть.

-- Но, по крайней мере, спиши для меня это, что ты теперь прочитал; я заплачу тебе.

-- Платы вашей мне не нужно, а я так с любовью спишу, только бы Бог дал вам усердие к молитве.

Немедленно я с удовольствием переписал прочтённое Слово. Он читал его жене своей, и обоим им оно нравилось. Вот иногда они стали присылать за мной. Я хаживал к ним с «Добротолубием», читал там, а они, сидя за чаем слушали.

Однажды они оставили меня пообедать. Жена управителя, ласковая старушка, сидела с нами и кушала жареную рыбу. Как-то по неосторожности она подавилась костью; какие ни делали ей пособия, никак не могли освободить, она чувствовала сильную боль в горле и часа чрез два слегла. Послали за лекарем за тридцать вёрст, а я, пожалевши, пошёл домой уже вечером.

Ночью в тонком сне слышу голос старца моего, а никого не вижу; голос говорил мне: «Вот тебя твой хозяин вылечил, а ты что не поможешь управительше? Бог приказал соболезновать о ближнем». – «С радостью помог бы я, да чем? Не знаю никакого средства». – «А вот что ты сделай: она с самого начала жизни своей имеет отвращение к деревянному маслу и не только употреблять, но даже и запаха его не может сносить без тошноты, а потому дай ей ложку деревянного масла выпить. Её станет рвать, кость извергнется, а маслом обмажется та рана в горле, которую процарапала кость, и она выздоровеет». – «Да, как же я дам, коли она имеет отвращение, – она не будет пить». -- «Ты вели управителю, чтобы подержал её за голову, да вдруг, хоть насильно и влей ей в рот». Я, очнувшись, немедленно пошёл к управителю и пересказал ему сие подробно. Он и говорит:

-- Что теперь сделает твоё масло? Вот уже она хрипит и бредит, да и шея вся распухла. Впрочем, пожалуй, испытаем; масло лекарство безвредное, хотя и не сделает помощи, -- он налил в рюмку деревянного масла, и мы кое-как дали ей проглотить.

Тут же началась сильная рвота и вскоре кость изверглась с кровью; ей стало легче, и она крепко уснула. Поутру я пришёл проводить, и увидел, что она, спокойно сидит за чаем и вместе с мужем своим удивляется излечению, а более тому, как сказано мне во сне, что она не любит деревянного масла, ибо этого никто кроме их обоих не знал.

Вот приехал и лекарь, управительша рассказала, что с ней случилось, а я рассказал, как мужик вылечил мне ноги. Лекарь, выслушавши, сказал:

-- Ни тот ни другой случай неудивительны; в обоих их действовала сама сила природы, однако ж для памяти я это запишу, -- вынул карандаш и записал в памятной своей книжке.

После этого вскоре разнесся слух по всему околотку, что я и провидец, и лекарь, и знахарь. Со всех сторон беспрестанно начали приходить ко мне с разными своими делами и случаями, приносили мне подарки и стали почитать и ублажать меня. С неделю я посмотрел на это, и убоявшись, чтобы не впасть в тщеславие и не повредиться рассеянностью, тайно ушёл оттуда ночью.

Итак, опять пустился я в уединённый путь мой и почувствовал такую лёгкость, как будто гора с плеч свалилась. Молитва всё более и более утешала меня, так что иногда сердце моё воскипало от безмерной любви к Иисусу Христу и от сего сладостного кипения как бы утешительные струи проливались по всем моим суставам. Память о Иисусе Христе так напечатлевалась в уме моём, что, размышляя о евангельских событиях, я как бы их пред глазами видел, умилялся и радостно плакал, иногда в сердце чувствовал радость, что и пересказать сего не умею. Случалось, что иногда суток по трое не входил в селения человеческие и в восторге ощущал, как будто один только я на земле, один окаянный грешник пред милостивым и человеколюбивым Богом. Уединение сие утешало меня, и молитвенная сладость при оном бывала гораздо ощутительнее, нежели в многолюдстве.

Наконец дошёл я до Иркутска. Поклонившись святым мощам святителя Иннокентия, начал думать сам с собою: куда ж мне теперь идти? А здесь долго жить мне не хотелось, ибо город многолюдный. В раздумье пошёл я по улице; вот и встретился мне здешний какой-то купец, остановил меня, да и стал говорить: «Ты странник? Что ж не зайдёшь ко мне?» Мы пришли с ним в богатый его дом. Он спросил меня, какой я человек, и я рассказал ему моё происхождение.

Выслушавши, он начал говорить мне:

-- Вот бы ты пространствовал в старый Иерусалим. Там-то святыня, какой нигде подобной нет!

-- С радостью бы пошёл, -- ответил я, -- но не имею к тому средств, сухим путём до моря могу пройти, а море переехать заплатить нечем, надо много денег.

-- Желаешь ли, -- сказал купец, -- я предоставляю тебе средство, вот я прошлого года отправил уже туда одного старичка из наших мещан. Я упал ему в ноги, и он стал говорить:

-- Слушай же, я дам тебе письмо к родному сыну моему в Одессу, он там живёт и имеет торговые дела с Константинополем. У него ходят корабли, и он с радостью довезёт тебя до Константинополя, а там велит приказчикам своим нанять для тебя место на корабле до Иерусалима и деньги заплатит. Ведь это стоит не очень дорого.

Услышавши это, я обрадовался, много благодарил сего моего благодетеля за его милости, а паче благодарил Бога, что Он являет мне такую отеческую любовь Свою и попечение о мне окаянном грешнике, не делающем никакого добра ни себе, ни людям и туне изъедающем чужой хлеб в праздности. И так я у сего благодетельного купца прогостил три дня. Он написал мне по обещанию своему письмо к своему сыну обо мне, и вот я иду теперь в Одессу с намерением достигнуть и до святого города Иерусалима. Но не знаю, допустит ли Господь поклониться Его Живоносному Гробу.

Список иллюстраций

С. 2	Поленов В. Д.	<i>Монастырь над рекой</i>
С. 8	Ге Н. Н.	<i>Дорога в лесу</i>
С. 13	Левитан И. И.	<i>Тихая обитель</i>
С. 19	Шишкин И. И.	<i>Вечер</i>
С. 21	Репин И. Е.	<i>Протодиакон</i>
С. 24	Колесников С. Ф.	<i>Рождество</i>
С. 26	Богданов-Бельский Н. П.	<i>Портрет мальчика, пьющего чай</i>
С. 30	Виноградов С. А.	<i>Ярморочный день</i>

Рассказ третий

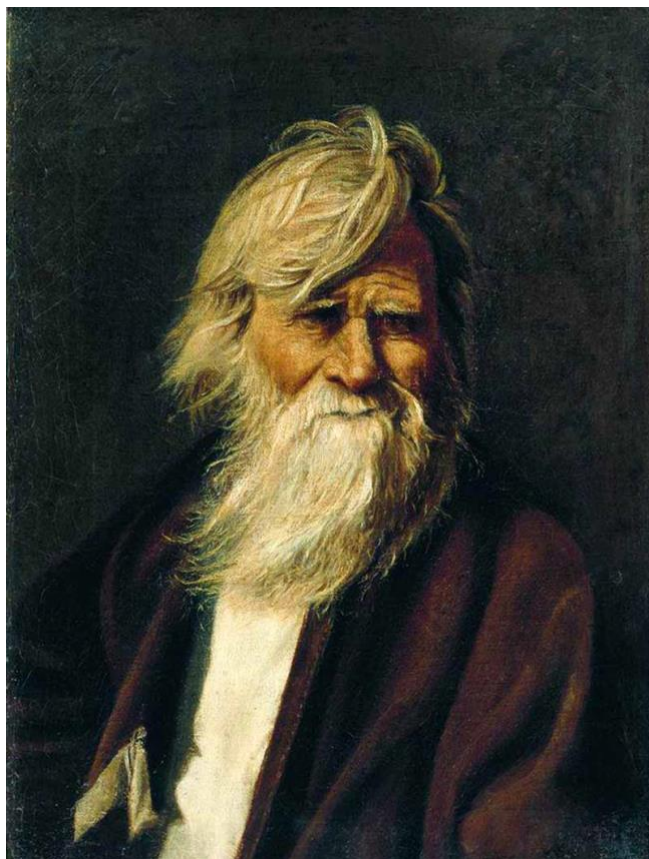
Перед самым выходом из Иркутска я пошёл ещё к духовному отцу, с которым вёл беседы, и сказал ему:

--- Вот я уже совсем на пути в Иерусалим, зашёл проститься да поблагодарить за христианскую любовь ко мне, недостойному страннику.

Он сказал мне:

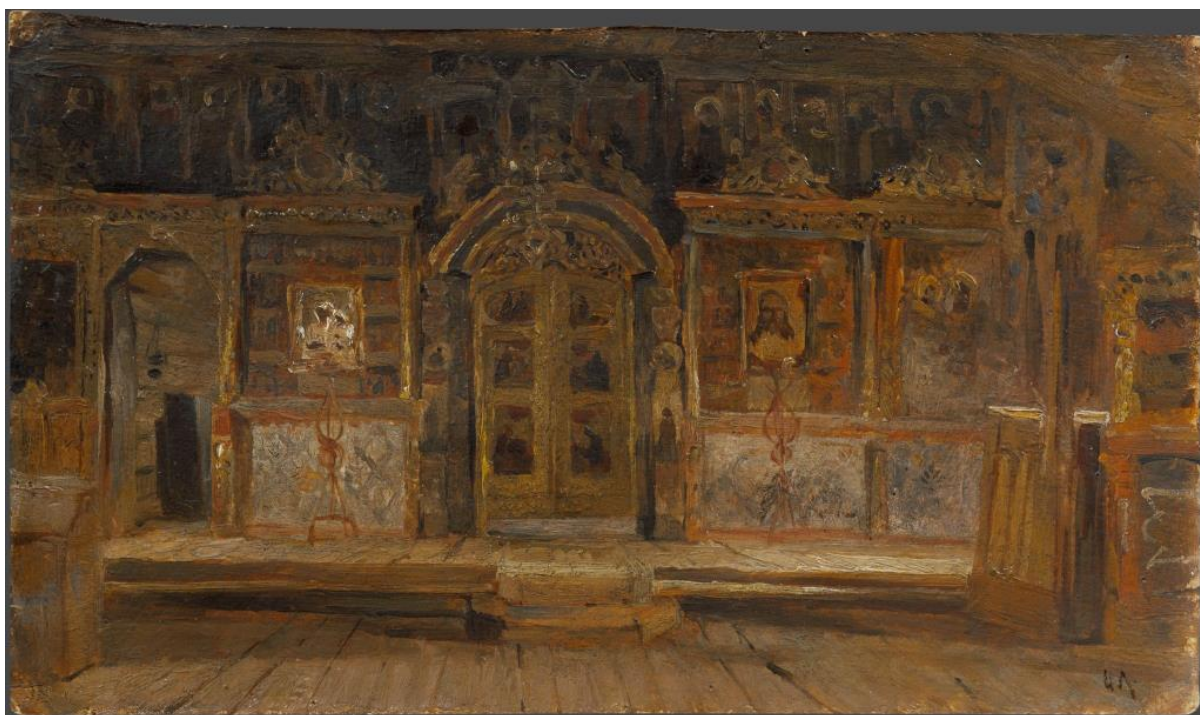
-- Бог да благословит путь твой. Но что же ты ничего мне не сказал о себе, кто ты и откуда. Много я наслушался от тебя о твоих путешествиях, любопытно было бы узнать о твоём происхождении и жизни до странничества.

-- Хорошо, -- сказал я, -- с удовольствием расскажу и это. Это не длинная история. Родился я в деревне Орловской губернии. После отца и матери осталось нас двое, я да старший брат мой. Ему было десять лет, а мне два года – третий. Вот и взял нас дедушка к себе на прокормление; он был старик зажиточный и честный, держал постоянный двор на большой дороге, и по доброте его много ставало у него приезжих. Стали мы у него жить.

Брат мой был резв и всё бегал по деревне, а я больше вертелся около дедушки. По праздникам ходили мы с ним в церковь, а дома он часто читывал Библию, вот эту самую, которая у меня. Брат мой вырос и испортился – приучился пить. Мне было уже семь лет; однажды я лежал с братом моим на печи и он толкнул меня оттуда, и я повредил левую руку. С тех пор и по сие время ею не владею – вся высохла.

Дедушка, видя, что я к сельским работам буду не способен, начал учить меня грамоте, и как азбуки у нас не было, то он учил меня по сей же Библии, как то: указывая азы, заставлял складывать слова да примечать буквы. Так и сам не понимаю, каким образом, твердя за ним, я в продолжение времени научился читать. И наконец, когда дедушка стал худо видеть, то часто меня уже заставлял читать Библию, а сам слушал, да поправлял. У нас нередко стаивал земский писарь, который писал прекрасно, я смотрел, и мне нравилось, как он пишет. Вот я и сам по его примеру начал выводить слова, он мне указывал, давал бумаги и чернил и чинил мне перья. Так я и писать научился. Дедушка был сему рад и наставлял меня так: «Вот теперь тебе Бог открыл грамоту, будешь человеком, а потому благодари за сие Господа, и чаще молись».

Итак, мы ко всем службам ходили в церковь да и дома очень часто молились; меня заставляли читать «Помилуй мя, Боже...», а дедушка с бабушкой клали поклоны или стояли на коленях. Наконец мне уже стало семнадцать лет, и бабушка умерла. Дедушка стал говорить мне: «Вот у нас нет хозяйки в дому, а как без бабы? Старший брат твой замотался, я хочу тебя женить». Я отказывался, представляя своё увечье, но дедушка настоял, и меня женили, выбрали девку степенную и добрую, двадцати лет. Прошёл год, и дедушка мой сделался при смерти болен. Призвавши меня, начал он прощаться и говорит: «Вот тебе дом и всё наследство, живи по совести, никого не обманывай да молись больше всего Богу, всё от Него. Ни на что не надейся, кроме Бога, ходи в церковь, читай Библию да нас со старухой поминай. Вот тебе и денег тысяча рублей, береги, попусту не трать, но и скуп не будь, нищим и церквам Божиим подавай».

Так он умер, и я похоронил его. Брату стало завидно, что двор и имение отданы одному мне. Он начал на меня злиться, и до того враг в сём помогал ему, что даже намеревался убить меня. Наконец, вот что он сделал ночью, когда мы спали и постояльцев никого не было: подломал чулан, где хранились деньги, вытащил их из сундука да и зажёл чулан. Мы услышали уже тогда, когда вся изба и двор занялись огнём, и едва выскочили из окошка, в том только, в чём спали. Библия лежала у нас под головами, и мы её выхватили с собой. Смотревши, как горел дом наш, мы между собой говорили: «Слава Богу! Хоть Библия-то уцелела, хоть есть чем утешиться нам в горе». Итак, всё имущество наше сгорело, и брат от нас ушёл без вести. Уже после узнали, когда он начал пьянствовать да хвалиться, что он деньги унёс и двор зажёл.

Остались мы наги и босы, совершенные нищие, кое-как в долг поставили маленькую хижину да и стали жить бобылями. Жена моя была рукодельная, мастерица ткать, прясть, шить, брала у людей работу да день и ночь трудилась, и меня кормила. Я же по безрукости моей даже и лаптей плести не мог. Она, бывало, ткёт или прядёт, а я сию около неё да читаю Библию, и она слушает да иногда и заплачет. Когда я спрошу: «О чём же ты плачешь? Ведь, слава Богу, живём». Тогда она и ответит: «То мне умирительно, что в Библии-то очень хорошо написано». Также помнили и дедушкино приказание: постились часто, каждое утро читали акафист Божией Матери и на ночь клали по тысяче поклонов, чтобы не искушаться.

И так жили мы спокойно два года. Но вот что удивительно, что хотя о внутренней молитве, творимой в сердце, и понятия мы не имели и никогда не слыхали, а молились просто только языком да без толку клали поклоны, как болваны кувыркались, а охота к молитве была, и долгая наружная и без понятия молитва не казалась трудною, но отправлялась с удовольствием. Видно, правду мне сказал один учитель, что бывает тайная молитва внутри человека, о которой он и сам не знает, как она сама собою производится неведомо в душе и возбуждает к молению, кто какое знает и как умеет.

По прошествии двух лет таковой нашей жизни вдруг жена моя занемогла сильною горячкою и, причастившись, на девятый день скончалась. Остался я один-одинёхонек, делать ничего не мог; пришлось ходить по миру, а было совестно просить милостыню; к тому же такая напала на меня грусть по жене, что не знал, куда деваться. Как, бывало, войду в свою хижину, да увижу её одежду или какой-нибудь платок, так и взвою да и упаду без памяти.

Итак, не мог я долее переносить тоски моей, живши дома, а потому продал свою хижину за двадцать рублей, а какая была одежда моя и женина, всю роздал нищим. Мне дали по калечеству моему вечный увольнительный паспорт, и я немедленно взял свою любезную Библию да и пошёл куда глаза глядят. Вышедши, думал я, куда ж теперь идти? Пойду прежде всего в Киев, поклонюсь угодникам Божиим и попрошу их помощи в скорби моей. Как скоро решился на сие, стало мне легче, и дошёл я до Киева с отрадой. С тех пор вот уже тринадцать лет безостановочно странствую по разным местам; обходил много церквей и монастырей, а теперь всё уже больше скитаюсь по степям да по полям. Не знаю, благоволит ли Господь добраться до святого Иерусалима. Там пора бы, если будет воля Божия, уже и грешные кости похоронить.

-- А сколько тебе от роду лет?

-- Тридцать три года.

-- Возраста Христова!

Список иллюстраций

- С. 1 Максимов В. М. *Портрет старика*
С. 2 Левитан И. И. *Внутри Петропавловской церкви в Плесе*
С. 4 Венецианов А. Г. *Крестьянка с васильками*

Рассказ четвертый

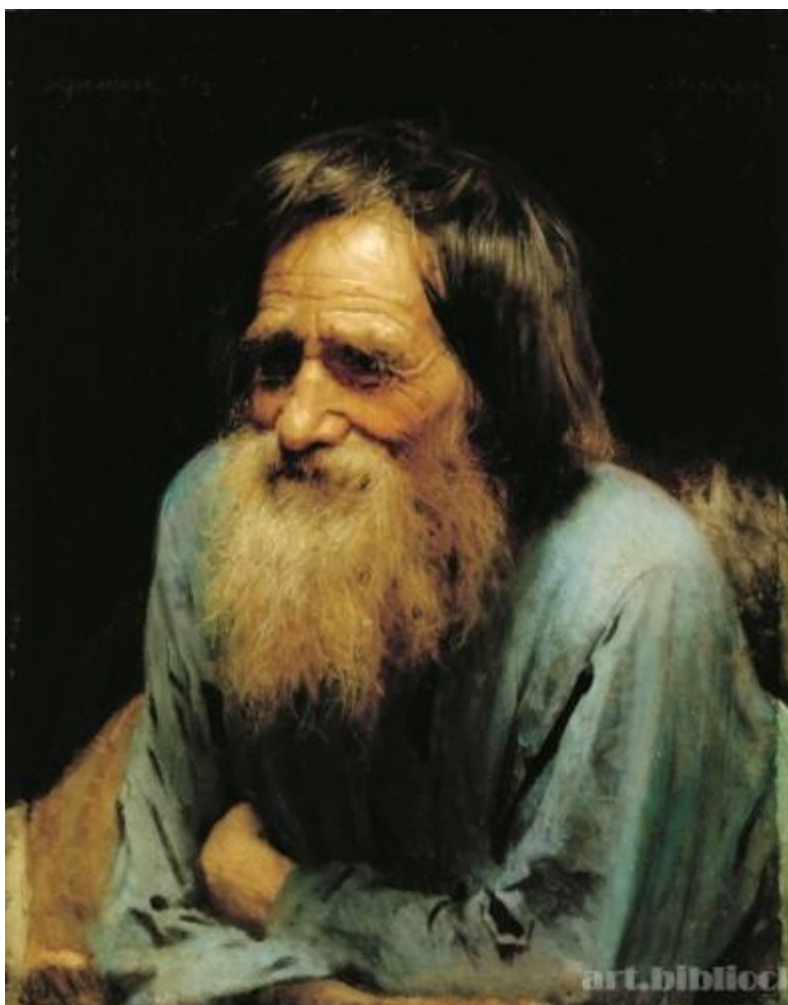
-- Справедлива русская пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает», -- сказал я, придя ещё к отцу моему духовному. -- Я полагал, что нынешний день буду идти да идти по пути ко святому граду Иерусалиму, а вот вышло иначе. Совсем непредвиденный случай оставил меня ещё на три дня в том же месте. И я не утерпел, чтобы не прийти к вам, дабы известить и принять совет в решимости моей при сём случае, который совсем неожиданно встретился следующим образом. Распростившись со всеми, я пошёл с помощью Божиею в путь мой, и только хотел выйти за заставу, как у ворот последнего дома увидал стоявшего знакомого человека, который некогда был такой же, как и я, странник и которого я года три не видал. Поздоровавшись, он спросил, куда я иду. Я ответил: «Хочется, если будет угодно Богу, в старый Иерусалим». -- «Слава Богу, -- подхватил он, -- вот есть тебе здесь и хороший попутчик». -- «Бог с тобой и с ним, -- сказал я, -- разве ты не знаешь, что, по своеобычному моему нраву, я никогда не хожу с товарищами, а привык странствовать всегда один». -- «Да выслушай: я знаю, что этот попутчик будет тебе по нраву. Как ему с тобой, так и тебе с ним будет хорошо. Вот видишь ли, отец хозяина этого дома, в котором я нанимаюсь работником, идёт по обещанию тоже в старый Иерусалим, и тебе с ним будет повадно. Он здешний мещанин, старик добрый и притом совершенно глухой, так что, как ни кричи, ничего не может слышать. Если о чём его спросишь, то нужно написать ему на бумажке, и тогда ответит. И поэтому он не надоест тебе в пути, ничего говорить с тобою не будет, он и дома-то всё больше молчит, а для него ты будешь необходимым в дороге. Сын его даёт ему лошадь и телегу до Одессы, с тем чтобы там её продать. Хотя старик-то желает пешком идти, но для его поклажи и некоторых посылок ко Гробу Господню пойдёт с ним и лошадь. Вот и ты свою сумку можешь положить тут же. Теперь подумай: как же можно старого и глухого человека отпустить с лошадью одного в такой дальний путь? Искали, искали проводника, но все просят очень дорого, да и опасно отпустить его с неизвестным человеком, ибо при нём есть и деньги, и вещи. Согласись, брат, право будет хорошо; решишь во Славу Божию и для любви к ближнему. А я хозяев-то о тебе заверю, и они несказанно будут сему рады; они люди добрые и меня очень любят, вот уже я нанимаюсь у них два года». Поговоривши так у ворот, он привёл меня в дом к хозяину, и я, увидев, что, должно быть, семейство честное, согласился на их предложение. Вот теперь и расположились мы на третий день праздника Рождества Христова, если благословит Бог, отслушавши

Божественную литургию, отправиться в путь. Вот какие нечаянные случаи встречаются на пути жизни! А всё Бог и Его святое провидение правят делами и намерениями нашими.

Выслушав это, отец мой духовный сказал:

-- Сердечно радуюсь, любезнейший брат, что Господь и ещё неожиданно устроил увидеть тебя чрез непродолжительное время. И как ты теперь свободен, то я с любовью продержу тебя подольше, а ты мне и ещё расскажешь побольше о своих поучительных встречах, бывших в твоём продолжительном странническом пути. Я и все прежние твои рассказы с удовольствием и внимательностью слушал.

-- Это я с радостью готов сделать, -- ответил я. И начал говорить:

-- Всего было много, доброго и худого; всего долго не расскажешь, да многое вышло уже и из памяти, ибо я старался в особенности помнить только то, что руководствовало и возбуждало ленивую душу

мою к молитве, а всё прочее редко вспоминал, или лучше сказать, старался забывать прошедшее. Да и покойный блаженный мой старец говаривал, что препятствия сердечной молитве нападают с двух сторон, с шуией и десной, то есть если враг не успеет отвратить от молитвы суетными помыслами и греховными замыслами, то возобновляет в памяти поучительные воспоминания или внушает прекрасные мысли, чтобы только хоть чем-нибудь отвлечь от молитвы, ему не терпимой. И это называется десное крадение, при коем душа, презрев беседу с Богом, обращается к удовольственной беседе сама с собою или с тварями. А потому и учил меня, чтобы во время молитвы не принимать и самой прекрасной духовной мысли, да и по прошествии дня, если случится увидеть, что время проведено более в назидательном размышлении и беседе, нежели в существенной безвидной молитве сердца, то и сие почитать неумеренностью или корыстолюбивою духовною жадностью, в особенности для новоначальных, коим необходимо, чтобы время, проводимое в молитве, преимущественно превозмогало большим количеством пред тем временем, которое провождалось в занятии прочими делами благочестия.

Но нельзя же и всего забыть. Иное само собой так глубоко врезалось в память, что и долго не воспоминавши о нём, живо памятно, как например, одно благочестивое семейство, у которого Бог удостоил меня пребыть несколько дней по нижеследующему случаю.

Во время странствования моего по Тобольской губернии случилось мне проходить чрез какой-то уездный город. Сухарей оставалось у меня очень мало, а потому я и вошёл в один дом, чтобы выпросить хлеба на дорогу. Хозяин сказал мне: «Слава Богу, ты пришёл ко времени, только что сей час жена моя вынула хлебы из печи, вот тебе тёплая коврига, молись за нас Богу». Я, поблагодаривши, стал укладывать хлеб в сумку, а хозяйка, увидя, сказала: «Какой мешок-то худой, весь истерся, я перемену тебе», -- и дала мне хороший, твёрдый мешок. От души поблагодарив их, я пошёл далее. На выходе, в мелочной лавочке попросил немного соли, и лавочник насыпал мне небольшой мешочек. Радовался я духом и благодарил Бога, что Он указывает мне, недостойному, таковых добрых людей. «Вот, -- думал я, -- теперь на неделю без заботы о пище буду сыт и доволен. Благослови, душе моя, Господа!

Отошедши от сего города вёрст пять, увидел я на самой дороге небогатое село и небогатую деревянную церковь, но хорошо украшенную снаружи и расписанную. Проходя мимо, я пожелал воздать поклонение храму Божию, и вошедши на паперть церковную,

помолился. Сбоку церкви, на лужке, играли двое каких-то малюток лет по пяти или шести. Я подумал, что это поповы дети, хотя они и были очень хорошо наряжены. Итак, помолившись, пошёл далее. Не успел отойти шагов десять от церкви, как я услышал за собою крик: «Нищенкой! Нищенкой! Постой!» Это кричали и бежали ко мне виденные мною малютки – мальчик и девочка. Я остановился, а они, подбежав, схватили меня за руку: «Пойдём к маменьке, она нищих любит». -- «Я не нищий, -- говорю им, -- а прохожий человек». -- «А как же у тебя мешок?» -- «Это мой дорожный хлеб.» -- «Нет, пойдем непременно, маменька даст тебе денег на дорогу». -- «Да где же ваша маменька?» -- спросил я. -- «Вон за церковью, за этой рощицей».

Они повели меня в прекрасный сад, посредине коего я увидел большой господский дом; мы вошли в самые палаты. Какая там чистота и убранство! Вот и выбежала к нам барыня.

-- Милости прошу! милости прошу! Откуда тебя Бог послал к нам? Садись, садись, любезный! -- Сама сняла с меня сумку, положила на стол, а меня посадила на премеякий стул.

-- Не хочешь ли покушать или чайку? И нет ли каких нужд у тебя?

-- Всенижайше благодарю вас, -- отвечал я, -- кушанья у меня целый мешок, а чаю хотя и пью, но, по нашему мужицкому быту, привычки к нему не имею. Усердие ваше и ласковое обхождение дороже для меня угощения; буду молить Бога, чтобы Он благословил вас за такое евангельское страннолюбие.

Говоря это, я почувствовал сильное возбуждение к возвращению внутрь. Молитва закипела в сердце, и мне потребно стало успокоение и безмолвие, дабы дать простор сему самовозникшему пламени молитвы, чтобы скрыть от людей наружные молитвенные признаки, как то: слёзы, воздыхания и необыкновенные движения лица и уст. А потому я встал, да и говорю:

-- Прошу прощения, матушка, мне пора идти. Да будет Господь Иисус Христос с вами и с любезными вашими деточками.

-- Ах, нет! Боже тебя сохрани уходить, не пущу тебя. Вот к вечеру муж мой приедет из города, он там служит по выборам судьёю в уездном суде. Как он обрадуется, увидевши тебя! Он каждого странника почитает за посланника Божия. А если ты уйдёшь, то он очень опечалится, не увидевши тебя: к тому же завтра воскресенье, ты помолишься с нами у обедни, и чем Бог послал, откушаем вместе. У нас каждый праздник бывает гостей до тридцати нищих Христовых братии. Да что же ты ничего и не сказал мне про себя, откуда ты и куда шествуешь! Поговори со мною, я люблю слушать духовные беседы людей богоугодных. Дети, дети! Возьмите сумочку странника и отнесите в образную комнату, там он будет ночевать.

Слушая сии слова её, я удивлялся, да и подумал: «С человеком ли я беседую или какое мне привидение?»

Итак, я остался дожидаться барина. Рассказал вкратце моё путешествие и что иду в Иркутск.

-- Вот и кстати, -- сказала барыня, -- ты непременно пойдёшь чрез Тобольск, а у меня там родная мать монахиней в женском монастыре, теперь же и схимница. Мы дадим тебе письмо, она тебя примет. К ней многие приходят за духовными советами. Да вот также, кстати, отнесёшь ей книжку преподобного Иоанна Лествичника, которую мы выписали для неё из Москвы, по её приказанию. Как всё это будет хорошо!

Наконец время приблизилось к обеду, и мы сели за стол. Пришли ещё четыре барыни и стали с нами кушать. Окончивши первое кушанье, одна из пришедших барынь встала, сделала поклон к образу, а потом поклонилась нам, пошла и принесла другое кушанье

и опять села; потом другая барыня так же пошла за третьим кушаньем. Я, видевши это, стал говорить хозяйке:

-- Осмелюсь, матушка, спросить, эти барыни-то родня вам, что ли?

-- Да, они мне сёстры: это кухарка, это кучерова жена, это ключница, а это моя горничная, и все замужние, у меня во всём доме нет ни одной девушки.

Слыша и видя сие, я ещё в большее приходил удивление, благодарил Бога, указавшего мне таких богоугодных людей, и ощущал сильное действие молитвы в сердце. А потому, чтобы поскорее уединиться и не мешать молитве, вставши из-за стола, я сказал барыне:

-- Вам нужно отдохнуть после обеда, а я, по привычке моей к ходьбе, пойду погулять по саду.

-- Нет, я не отдыхаю, -- сказала барыня, -- и я пойду с тобою в сад, а ты мне расскажешь что-нибудь поучительное. А если тебе идти одному, то дети не дадут тебе покоя. Они, как скоро тебя увидят, то не отойдут от тебя ни на минуту, так они любят нищих, Христовых братьев и странников.

Нечего мне было делать, и мы пошли. Вошедши в сад, чтобы удобнее мне было сохранять безмолвие и не говорить, я поклонился барыне в ноги, да и сказал:

-- Прошу вас, матушка, во имя Божие, скажите мне, давно ли вы провождаете такую богоугодную жизнь и каким образом достигли сего благочестия?

-- Пожалуй, я тебе все расскажу. Вот видишь, мать моя -- правнучка святителя Иоасафа, которого мощи на вскрытии почивают в Белгороде. У нас был большой дом в городе, флигель коего нанимал небогатый дворянин. Наконец он умер, а жена его осталась беременной, родила и сама умерла после родов. Рождённый остался круглым бедным сиротою; моя маменька из жалости взяла его к себе на воспитание, через год родилась и я. Мы вместе росли и вместе учились у одних учителей и учительниц и так свыклись, как будто родные брат с сестрой. По некотором времени скончался и мой родитель, а матушка, оставя городскую жизнь, переехала с нами вот в это своё село на житьё. Когда мы пришли в возраст, маменька выдала меня за своего воспитанника, отдала нам это своё село, а сама, построив себе келью, определилась в монастырь. Давши нам своё родительское благословение, она сделала нам такое завещание, чтобы мы жили по-христиански, молились усердно Богу и более всего старались исполнять главнейшую заповедь Божию, то

есть любовь к ближним, чтобы мы питали и помогали нищим Христовым братьям в простоте и смирении, детей воспитывали в страхе Божием и с рабами обходились как с братьями. Вот так мы и живём здесь уединенно уже десять лет, стараясь сколько возможно исполнять завещание нашей матушки. У нас есть и нищеприемница, в которой и теперь живут более десяти человек увечных и больных; пожалуй, завтра сходим к ним.

По окончании сего рассказа, я спросил:

-- Где же та книжка Иоанна Лествичника, которую вы желаете отослать к вашей родительнице?

-- Пойдём в комнату, я найду её тебе.

Только что мы уселись читать, приехал и барин. Увидевши меня, он любезно меня обнял, и мы братски, по христиански расцеловались; он повёл в свою комнату, да и говорит:

-- Пойдём, любезнейший брат, в мой кабинет, благослови мою келью. Я думаю, что она (указал на барыню) тебе надоела. Она как увидит странника или странницу, или какого больного, то рада и день и ночь не отходить от них; во всём её роде исстари такое обыкновение.

Мы вошли в кабинет. Какое множество книг, прекрасные иконы! Животворящий Крест во весь рост и при нём поставлено Евангелие. Я помолился, да и говорю:

-- У вас, батюшка, здесь рай Божий. Вот сам Господь Иисус Христос, Пречистая Его Мать и святые Его угодники, а это (указывая книги) их божественные, живые и неумолкаемые слова и наставления. Я думаю, вы часто наслаждаетесь небесною беседою с ними.

-- Да, признаюсь, -- ответил барин, -- я охотник читать.

-- Какие же у вас здесь книги, - спросил я.

-- У меня много и духовных, -- ответил барин, -- вот целый годовой круг Четых Миней, сочинения святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, много богословских и философских, а также много и проповедей новейших знаменитых проповедников. Библиотека моя стоит мне тысяч пять рублей.

-- Нет ли у вас, -- спросил я, -- какого либо писателя о молитве? Я очень люблю о молитве читать.

-- Есть самая новейшая книжка о молитве, сочинение одного петербургского священника.

Барин достал толкование молитвы Господней «Отче наш» и мы с удовольствием начали её. Немного погодя пришла к нам и барыня, принесла чаю, а малютки притащили целое лукошко, всё серебряное, каких то сухих словно пирожков, каковых я и от роду не кушал. Барин взял у меня книжку, подал барыне да и говорит:

-- Вот мы её заставим читать, она прекрасно читает, а сами подкрепимся.

Барыня начала читать, а мы стали слушать. Я, слушая чтение, внимал и производившейся молитве внутрь моего сердца. Что дальше шло чтение, то молитва развивалась более и меня услаждала. Вдруг я увидел, что быстро промелькнул кто-то пред глазами моими, словно по воздуху, как будто мой покойный старец. Я встрепнулся, но чтобы скрыть это, сказал:

-- Простите, вздремнул маленько.

Тут я почувствовал, что как бы дух старца проник мой дух или засветил его, я ощутил какой-то свет в разуме и множество мыслей о молитве. Только что перекрестился и хотел отогнать сии мысли, барыня прочла всю книжку, а барин спрашивает, понравилось ли мне это сочинение. И началась у нас беседа.

-- Очень нравится, -- ответил я, -- да и молитва Господня «Отче наш» есть выше и драгоценнее всех написанных молитв, какие мы, христиане, имеем, ибо её преподает Сам Господь Иисус Христос, и прочтённое толкование оной очень хорошо. Только всё направлено большею частию к деятельности христианской, а мне случилось читать у святых отцов и умозрительное, таинственное изъяснение оной.

-- У каких же отцов ты это читал?

-- Да вот, например, у преподобного Максима Исповедника да в «Добротолюбии» у святого Петра Дамаскина.

-- Пожалуйста, не припомнишь ли что, скажи нам!

-- Извольте. Начало молитвы: *«Отче наш, Иже еси на небесех»* в прочтённой книжке толкуется, что под сими словами должно разуметь внушение братской любви к ближним как детям единого Отца. Это очень справедливо, но у святых отцов и ещё далее и духовнее сие разъясняется; именно – они говорят, что в сём изречении должно возводить ум на Небо, к Небесному Отцу, и вспоминать обязанность нашу ежеминутно поставлять себя в присутствие Божие и ходить пред Богом. Слова: *«да святится имя Твое»* объясняет книжка тщанием, дабы не произносить имя Божие без благоговения или в несправедливой клятве, словом, чтобы святое имя Божие произносить свято и не употреблять его всуе. А таинственные толкователи видят здесь прямое прошение о внутренней сердечной молитве, то есть чтобы святейшее имя Божие напечатлевалось внутрь сердца и самодействующей молитвою святилось и освящало все чувства и силы душевные. Слова: *«да приидет Царствие Твое»* таинственные толковники изъясняют так: да приидет в сердца наши внутренний мир, спокойствие и радость духовная. В книжке толкуется, что под словами: *«хлеб наш насущный даждь нам днесь»* должно разуметь прошение о потребностях, необходимых для телесной жизни, не излишних, но токмо нужных и для помощи ближним достаточных. А преподобный Максим Исповедник, под именем насущного хлеба понимает питание души хлебом небесным, то есть словом Божиим, и соединение души с Богом, богомыслием и непрестанною внутреннею молитвою сердца.

-- Ах! Это великое дело и почти невозможное для жителей мира, чтобы достигнуть внутренней молитвы, -- воскликнул барин, -- хотя бы и наружную-то помог Господь отправлять без лености.

-- Не думайте, батюшка, так. Если бы сие было невозможно и непреодолимо трудно, то Бог не заповедал бы сего всем. Сила Его совершается и в немощи, а опытные святые отцы предлагают к сему

способы, облегчающие путь к достижению сердечной молитвы. Конечно, для отшельников мира они указывают средства особенные и высшие, но и для мирян также предписывают удобные же и верно ведущие средства к достижению внутренней молитвы.

-- Нигде мне не случилось читать о сём подробно, -- сказал барин.

-- Извольте, если угодно, я прочту вам в книге «Добротолюбие».

Я принёс мое «Добротолюбие», отыскал статью святого Петра Дамаскина и начал читать следующее: «Должно научиться призыванию имени Божия более, нежели дыханию, во всяком времени, и месте, и деле. Апостол говорит: «...непрестанно молитесь», то есть он учит, чтобы иметь памятование о Боге во всякое время, на каждом месте, и при всякой вещи. Если ты что-нибудь делаешь, должен иметь в памяти Творца вещей; если видишь свет, помни Даровавшего тебе оный; если видишь небо, землю, море и всё находящееся в них, удивляйся и прославляй Создавшего оные; если надеваешь на себя одежду, вспомни, чей это дар, и благодари Промышляющего о твоей жизни. Кратко сказать, всякое движение да будет тебе причиною к памятованию и прославлению Бога, и вот ты непрестанно молишься, от сего всегда будет радоваться душа твоя».

-- Вот извольте видеть, как сей способ к непрестанной молитве удобен, лёгок и доступен для каждого, кто только имеет сколько-нибудь человеческих чувств.

Это им чрезвычайно понравилось. Барин с восхищением обнял меня, благодарил, посмотрел моё «Добротолюбие», да и говорит:

-- Непременно куплю себе такую книгу. Я её скоро достану из Петербурга, а сейчас, для памяти я спишу эту статейку, которую ты прочёл, сказывай мне.

И тут-же он скоро прекрасно переписал её. Потом он воскликнул:

-- Боже мой! Ведь у меня есть и икона святого Дамаскина. (Это, вероятно, была икона Иоанна Дамаскина.) Он взял рамку, вставил под стекло написанный лист да и повесил под иконою, сказав:

-- Вот живое слово угодника Божия под его изображением будет часто напоминать мне, чтобы исполнять сей спасительный совет в его деятельности.

После сего мы пошли ужинать. За столом по-прежнему сидели с нами все люди, мужчины и женщины. Какое было благоговейное молчание и тишина во время стола! Поужинавши, мы все, люди и дети, долго молились. Меня заставили читать акафист Иисусу Сладчайшему.

По окончании служители их пошли на покой, и мы втроём остались в комнате. Вот барыня принесла мне белую рубашку и чулки. Я поклонился в ноги да и говорю:

-- Не возьму я, матушка, чулок, я их от роду не нашивал, мы привыкли всегда ходить в онучах.

Она побежала опять и принесла свой старый кафтан тонкого жёлтого сукна да и разрежала на две онучи, а барин, сказавши:

-- Вот у него, бедного, и опорочки-то почти развалились, -- принёс новые свои башмаки, большие, которые он сверху сапогов надевает, потом и говорит мне:

-- Поди вон в ту комнату, там никого нет, да перемени с себя бельё.

Я пошёл переоделся и опять вышел к ним. Они посадили меня на стул и начали обувать. Барин стал обёртывать онучами мне ноги, а барыня начала надевать башмаки. Я сперва не стал было даваться, но они приказали мне сидеть и говорили:

-- Сиди и молчи. Христос умывал ноги ученикам.

Мне нечего было делать и я начал плакать, заплакали и они. После сего барыня осталась в покоях ночевать с детьми, а мы с барином пошли в сад в беседку. Долго нам не спалось, мы лежали да и поговаривали с барином. Вот он и начал приступать ко мне:

-- Скажи, Бога ради, по самой истине и по совести, кто ты такой? Ты, должно быть, из хорошего рода и только напускаешь на себя юродство. Ты читаешь и пишешь хорошо и правильно говоришь и рассуждаешь; этого не может быть в мужицком воспитании.

-- Я по сущей правде и чистосердечно рассказывал как вам, так и вашей барыне моё происхождение и никогда не думал лгать или обманывать вас. Да и для чего мне это? А что я говорю, то говорю не своё, а слышанное от покойного богомудрого старца моего да вычитанное со вниманием в святых отцах; более же всего даёт свет моему невежеству внутренняя молитва, которую не сам я приобрел, а милость Божия да старческое учение поселили её в моё сердце. Ведь это возможно каждому человеку; стоит только побезмолвнее углубиться в своё сердце да побольше призывать просвещающее имя Иисуса Христа, то сейчас же каждый почувствует внутренний свет и ему будет всё понятно, даже и некоторые тайны Царствия Божия он увидит в свете сём. Да уже и это глубокая просветительная тайна, когда человек узнаёт сию способность самоуглубляться, видеть себя внутри, наслаждаться самосознанием, умиляться и сладостно плакать о своём падении и испорченной воле.

Благоразумно рассуждать и говорить с людьми дело не очень трудное и возможное, ибо ум и сердце произошли прежде, нежели учёность и премудрость человеческая. Коли есть ум, то можно его обработать, наукой ли или опытностью; а если нет разума, то никакое воспитание не поможет. В том-то и дело, что мы далеки от самих себя да и мало желаем, чтобы приблизиться к себе, а всё убегаем, чтобы не встретиться самим с собою и промениваем истину на безделушки да и думаем: рад бы заняться духовным делом или молитвою, да некогда, хлопоты и заботы о жизни не дают времени к сему занятию. А что важнее и нужнее – спасительная вечная жизнь души или скоропреходящая жизнь тела, о котором мы так много стараемся? Вот это-то, что я сказал, и приводит людей к благоразумию или к глупости.

-- Прости меня, любезный брат, я спросил тебя не из одного токмо любопытства, но из добродушия и христианского участия в тебе, да ещё и потому, что года два тому назад я видел пример, из которого составилась вопрос мой и к тебе. Вот видишь, пришёл к нам один нищий с паспортом отставного солдата, старый, дряхлый и так беден, что почти и наг и бос, говорил мало и так просто, как бы степной мужик. Мы взяли его в нищеприемницу; дней чрез пять он сильно захворал, а потому мы и перенесли его вот в эту беседку, успокоили и начали сами с женою ходить за ним и лечить его. Наконец он стал уже видимо приближаться к смерти; мы приготовили его, позвавши нашего священника его исповедать, приобщить и осoboровать. Накануне своей смерти он встал, потребовал у меня лист бумаги и перо, попросил, чтобы я запер двери и никого бы не впускал, покуда напишет он завещание сыну своему, которое и просил переслать после смерти его в Петербург по адресу. Изумился я, когда увидел, как он писал не только прекрасным, самым образованным почерком, но и сочинение его было превосходно, правильно и очень нежно. Вот я завтра прочту тебе это его завещание; я имею у себя с него копию. Всё это привело меня в удивление и возбудило любопытство спросить его о его происхождении и жизни. Он, обязав меня клятвою не открывать сего никому прежде его смерти, во славу Божию рассказал мне свою жизнь. «Я был князь, имевший очень богатое состояние и провождавший самую пышную, роскошную и рассеянную жизнь. Жена моя умерла, и я жил с сыном моим, счастливо служившим капитаном в гвардии. Однажды, собираясь ехать на бал к одной важной персоне, я был сильно рассержен моим камердинером. Не перетерпевши своего азарта, я жестоко ударил его в голову и приказал сослать его в деревню. Это было вечером, а на другой день

утром камердинер умер от воспаления в голове. Но это с рук сошло, и я, пожалевши о моей неосторожности, вскоре и забыл об этом. Вот проходит шесть недель и оный умерший камердинер начал являться мне, прежде во сне; каждую ночь беспокоил и укорял меня, непрестанно повторяя: «Бессовестный, ты мой убийца!» Потом я начал видеть его и наяву, в бодрствовании. Чем дальше, тем чаще он начал мне являться, а потом почти непрестанно меня беспокоил. Наконец вместе с ним я начал видеть и других умерших мужчин, коих я жестоко оскорблял, и женщин, коих соблазнил. Все они беспрерывно укоряли меня и не давали мне покоя до того, что я не мог ни спать, ни есть, ни чем-либо заниматься, совершенно истощился в силах, и кожа моя прильнула к костям моим. Всё старание искусных врачей нисколько не помогало. Я поехал лечиться в чужие края, но, пролеchia там полгода, нисколько не получил облегчения, и мучительные видения всё жестоко умножались. Меня привезли оттуда едва живого, и я испытывал в полной мере ужасы адских мучений души прежде ещё отделения её от тела. Тогда я уверился, что есть ад, и узнал, что значит он. Будучи в таком мучительном состоянии, я сознал мои беззакония, раскаялся, исповедался, дал свободу всем при мне служившим людям; я заклал себя на всю жизнь мучить себя всякими трудами и сокрыться в нищенском образе, дабы за беззакония мои быть последним служителем людей самого низкого класса. Лишь только с твёрдостью я на сие решился, тут же и кончились беспокоившие меня видения. Я чувствовал такую отраду и сладость от примирения с Богом, что не могу вполне сего изобразить. Вот здесь я также опытно узнал, что значит рай и каким образом разверзается Царствие Божие внутри сердец наших. Вскоре я совершенно выздоровел, исполнил мои намерения и с паспортом отставного солдата тайно ушёл из моей родины. И вот уже пятнадцать лет, как я скитаюсь по всей Сибири. Иногда нанимался у мужиков в посильные работы, иногда Христовым именем прокармливал себя. Ах! При всех сих лишениях -- какое я вкушал блаженство, счастье и спокойствие совести! Это вполне может чувствовать только тот, кто из мучительного ада милосердием Ходатая переведён в рай Божий». Рассказавши сие, он вручил мне своё завещание для отправки к его сыну и на другой день скончался. Да вот и списочек с его завещания у меня теперь в сумке, положен в моей Библии. Если угодно вам прочесть, то я сейчас его достану. Вот извольте!

Я развернул и прочитал: «Во имя Бога, в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа.

Любезнейший сын мой! Уже пятнадцать лет, как ты не видишь твоего отца, но он в безызвестности своей, изредка уведомляясь о тебе, питал к тебе отеческую любовь, которая заставляет послать к тебе и предсмертные строки сии, да будут они тебе уроком в жизни. Тебе известно, как я страдал за мою неосторожность и невнимательную жизнь; но ты не знаешь, как я блаженствовал в безызвестном моём странничестве, наслаждаясь плодами покаяния. Я спокойно умираю у моего доброго и вместе у твоего благодетеля, ибо благодеяния, излитые на отца, должны касаться чувствительного сына. Воздай ему благодарность мою, чем можешь. Оставляя тебе моё родительское благословение, заклинаю тебя помнить Бога, хранить совесть, быть осторожным, добрым и рассудительным, обращаться с подчинёнными людьми как можно благосклоннее и любезнее, не презирать нищих и странных, помня, что и умирающий отец твой в нищенстве и странничестве токмо обрёл спокойствие и мир мучившейся душе своей. Призывая на тебя благодать Божию, я спокойно закрываю глаза мои во уповании жизни вечной, по милосердию Ходатая человеков Иисуса Христа.

Отец твой....»

Так мы с добрым барином лежали да и поговаривали. Вот и я спросил его:

-- Думаю, батюшка, вам не без хлопот и не без беспокойства с странноприемницей? Ведь также много нашей братии странников ходят от нечего делать или по лености к делу да и шалят на дороге, как мне случалось видеть.

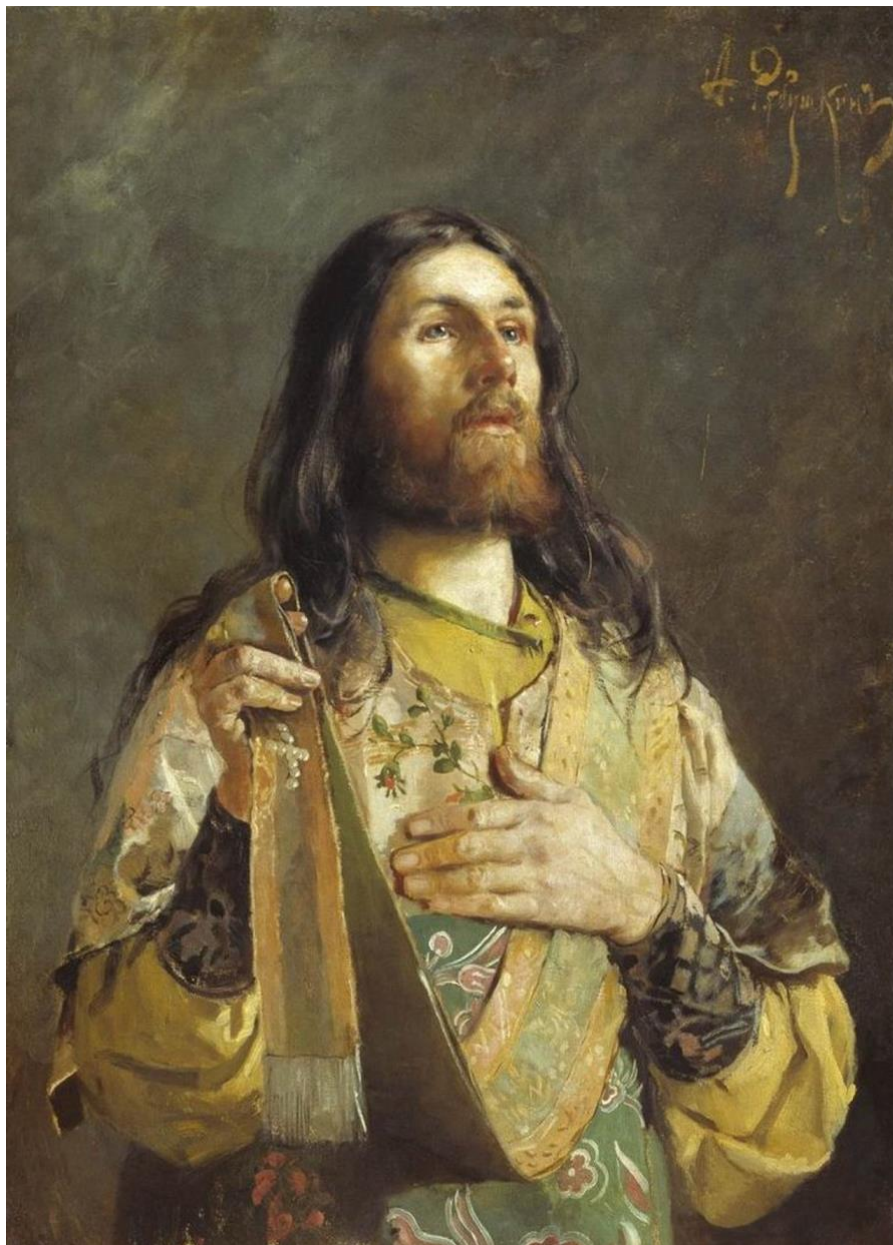
-- Не много таких случаев было, всё больше попадали истинные странники, -- ответил барин. -- Да мы ещё более ласкаем и удерживаем у себя пожить таких шалунов. Они, поживши между добрыми нашими нищими, Христовыми братьями, часто исправляются и выходят из нищеприемницы смиренными и кроткими людьми. Вот недавно был сему пример. Один здешний городской мещанин до того развратился, что решительно все гоняли его палками от своих ворот и никто ему не давал даже и куска хлеба. Он был пьяный, буйный и драчливый человек, да ещё и воровал. В таком виде и голодный пришёл он к нам, просил хлеба и вина, до коего он был чрезвычайный охотник. Мы, ласково принявши его, сказали: «Живи у нас, мы будем давать тебе вина сколько хочешь, но только с тем уговором, чтобы ты, напившись, сейчас ложился спать; если же хотя мало забунтуешь и заколобродишь, то не только прогоним тебя и никогда не примем, но даже я сделаю отношение исправнику или городничему, чтоб сослать тебя на поселение, как подозрительного бродягу». Согласившись на сие, он у нас остался. С неделю или более, действительно, пил много, сколько хотел, но всегда по обещанию своему и по приверженности к вину (чтоб его не лишиться) ложился спать или выходил на огород, лежал там и молчал. Когда он отрезвлялся, братия нищеприемницы уговаривали его и давали совет, чтобы воздерживаться, хотя сначала понемногу. Итак, он постепенно стал пить меньше и, наконец, месяца через три сделался воздержанным человеком и теперь где-то нанимается и не ест втуне чужой хлеб. Вот третьего дня он приходил ко мне с благодарностью.

«Какая мудрость, по руководству любви совершаемая!» -- подумал я, да и воскликнул:

-- Благословен Бог, являющий милость Свою в ограде ограждения вашего!

После сих бесед мы с барином, соснувши с час или с полтора, услышали благовест к заутрени, собрались и пошли, и только что вошли в церковь, а уже барыня давно тут и есть, и со своими деточками. Отслушали утреню, а после неё началась вскоре и Божественная литургия. Мы с барином да с одним малюткою стали в алтаре, а барыня с малюткою барышней – у алтарного окна, чтобы

видеть возношение Святых даров. Боже мой! Как они молились на коленях и заливались радостными слезами! Какие просветлённые сделались у них лица, так что и я, на них глядя, досыта наплакался.

По окончании службы господя, священник, слуги и все нищие пошли вместе к обеденному столу, а нищих-то было человек до сорока: тут и увечные, и с больными лицами, и ребята. Все сели за один стол. Какая была тишина и молчание!

Я, принявши дерзновение, легонько сказал барину:

-- В обителях читают жития святых во время трапезы; вот бы так и вам, а у вас есть круг «Четых Миней».

Барин, обратившись к барыне, говорит:

-- В самом деле, Маша, заведём-ка такой порядок. Это будет преназидательно. Вот в первый обед буду читать я, потом ты, а там батюшка, а в последствии братия, по очереди, кто умеет.

Священник, кушая, стал говорить:

-- Слушать я люблю, а уж читать -- покорный слуга, у меня нисколько нет свободного времени. Как прибежишь домой, то не знаешь, как поворачиваться, всё хлопоты, да заботы; и то надо, и другое надо; ребят куча, да и скота вволю, целый день в суете, уж не до чтения, или поучения. Что и в семинарии-то выучил, так и то давно уже забыл.

Услышавши это, я содрогнулся, а барыня, сидя возле меня, как схватит меня за руку, да и начала говорить:

-- Батюшка это говорит по смирению, он всегда так себя унижает, а он предобрейший и богоугодной жизни; вот уже двадцать лет вдовствует и воспитывает целую семью внучат, а притом и часто служит.

При сих словах мне пришло на ум следующее изречение преподобного Никиты Стифата в «Добротолюбии»: по внутреннему настроению души измеряется естество вещей, то есть кто каков сам, тот так и о других заключает. И далее говорит он же: «Кто достиг истинной молитвы и любви, тот не имеет различения вещей, не различает праведного от грешного, но всех равно любит и не осуждает, как и Бог; как солнце сияет и дождит на праведных и неправедных».

Началось опять молчание. Против меня сидел совершенно слепой нищий из нищеприемницы. Барин кормил его, разрезывал рыбу, подавал ложку, наливал ему похлёбку. Пристально смотревши, я заметил, что у сего нищего всё рот открыт, а язык беспрестанно шевелится и как бы трепещется. Я подумал, не молитвенник ли он, и стал примечать больше. При самом окончании обеда одной старухе сделалось дурно, её крепко схватило, и она застонала. Барин с барыней отвели её в свою спальню и положили на постель; барыня осталась ходить за ней. Священник на случай пошёл за запасными Святыми Дарами, а барин приказал запрячь карету и поскакал за доктором в город. Все разошлись.

Я чувствовал молитвенный как бы глад, была сильная потребность молитвенных излияний, а уединения и молчания уже другие сутки не было. Я чувствовал в сердце как будто какое-то наводнение, которое стремилось прорваться и излиться во все члены, но как я сие

передерживал, то и сделалась сильная боль в сердце, – впрочем, какая-то отрадная, требующая безмолвного успокоения и насыщения молитвою. Здесь мне открылось, почему истинные делатели самодействовавшей в них молитвы убегали от людей и сокрывали себя в безызвестности, также я понял, почему преподобный Исихий и самую духовную и полезную беседу, но неумеренную, называет празднословием, как и преподобный Ефрем Сирин говорит: «Добрая речь -- серебро, а молчание -- чистое золото». В соображении всего этого я пошёл в нищеприемницу; там все после обеда отдыхали. Я залез на чердак, успокоился, отдохнул, помолился. Когда встали нищие, я нашёл слепого и вывел его за огород. Мы уединенно сели, да и начали беседовать.

-- Скажи, Бога ради, на пользу душевную, ты творишь Иисусову молитву?

-- Я давно уже беспрестанно её творю.

-- Что же ты от сего чувствуешь?

-- То только, что не могу ни день ни ночь быть без молитвы.

-- Каким образом Бог открыл тебе это занятие? Расскажи мне, любезный брат, подробно.

-- Вот видишь, я здешний цеховой, промышлял себе хлеб портняжной работой, ходил по другим губерниям, по деревням, да шил крестьянскую одежду. В одной деревне случилось мне долго прожить у мужика для обшивки его семьи. В какой-то праздничный день я увидел, на божнице три книги, да и спрашиваю: «Кто у вас читает?» -- «Никто, -- ответили мне. -- Эти книги после нашего дяди: он был грамотей». Я, взявши одну книгу, разогнул где попало да и прочёл, как теперь помню, таковые слова: «Молитва непрестанная есть, еже призывати имя Божие всегда, беседует ли кто, или сидит, или ходит, или делает, или ест, или иное что творит, – на всяком месте и на всякое время подобает призывати имя Божие». Прочитавши это, я стал думать, что мне сие весьма удобно, да и стал за швейной моей работой творить молитву шёпотом, и мне это понравилось. Жившие со мною в избе заметили это да и начали надо мною смеяться: «Колдун что ли ты, что всё непрестанно шепчешь? Или что заговариваешь?» Я, чтобы скрыть это, перестал шевелить губами, а стал только творить молитву одним языком. Наконец так привык к молитве, что уже сам язык и день и ночь её выговаривает, и мне это приятно. Долго я так ходил, потом вдруг ослеп совершенно. У нас в роду почти у всех бывает тёмная вода в глазах. Вот наше общество по бедности моей я определило меня в богадельню, которая находится в нашем губернском городе Тобольске. Я теперь

туда и отправляюсь. Господа-то остановили меня для того, что хотят дать мне подводу до Тобольска.

-- Как называлась та книга, которую ты читал, не «Добротолюбие» ли?

-- Право, не знаю, я и не посмотрел заглавного-то листа.

Тогда я принёс мое «Добротолюбие», отыскал в нём у Каллиста патриарха те слова, которые сказал он мне на память, да и начал ему читать.

-- Вот оно самое! -- закричал слепой. -- Читай-ка, брат, как это очень хорошо.

Когда я дошёл до той строки, где сказано: подобает молиться сердцем, он начал приступать ко мне:

-- Что это значит? Как это делается?

Я сказал ему, что всё учение о сердечной молитве подробно изложено в сей же книге, в «Добротолюбии», и он с усердием просил меня всё прочесть ему.

-- Мы вот как сделаем, -- сказал я. -- Ты когда намерен отправиться в Тобольск? -- Да хоть сейчас, -- ответил он.

-- Так вот что, завтра и я думаю идти в путь, мы и пойдём с тобой вместе, и я тебе всё прочту, что относится до сердечной молитвы, и укажу способ, как отыскивать место сердечное и входить в него.

-- Да как же подвода-то? -- спросил он.

-- Э, что тебе за подвода, будто невесть сколько до Тобольска, только полтора ста вёрст, пойдём потихоньку, а двоим в уединении-то, знаешь, как хорошо идти; да и беседовать и читать о молитве, идя, удобнее.

Так мы и согласились. Повечеру сам барин пришёл всех нас звать ужинать; после ужина мы объявили, что отправляемся в путь и что не нужно нам подводы, чтобы удобнее читать «Добротолюбие». При сём барин начал говорить:

-- И мне очень понравилось «Добротолюбие»; я уже написал письмо и приготовил деньги, чтобы завтра, как поеду в суд, отослать в Петербург, чтобы с первою же почтою мне выслали эту книгу.

Итак, наутро мы отправились в путь, много благодаривши сих господ, за примерную любовь и милосердие; и они оба с версту нас проводили от своего жилища. Так мы распростились. Пошли мы со слепцом, да и шли понемногу и помалу, вёрст по десяти и по пятнадцати в день, а всё остальное время просиживали в уединённых местах да читали «Добротолюбие». Я всё прочёл ему о сердечной молитве по тому порядку, который указал мне покойный мой старец, то есть начав с книги святого Никифора монашествующего, преподобного Григория Синаита и так далее. С какою жадностью и внимательностью он всё сие слушал и как всё ему нравилось и наслаждало его! Потом он начал делать мне такие вопросы о молитве, что и ума моего не хватило решить их.

По прочтении нужного из «Добротолюбия», он начал усердно просить меня, чтобы деятельно показать ему способ, каким образом найти умом сердце, и как вводить в него божественное имя Иисуса Христа, и как со сладостью внутренне молиться сердцем. Я и начал ему рассказывать:

-- Вот ты ничего не видишь, а ведь можешь умом вообразить и представить себе то, что ты прежде видал, то есть человека, или какую-нибудь вещь, или свой какой-нибудь член, например, руку или ногу, можешь так живо вообразить, как бы на него смотрел, и можешь навести и устремить на него хотя и слепые свои глаза?

-- Могу, -- ответил слепой.

-- Так ты точно так же вообрази своё сердце, наведи свои глаза, как бы смотрел на него сквозь грудь, и как можно живее представь его, а ушами-то внимательно слушай, как оно бьётся и ударяет раз за разом. Когда к сему приспособишься, то и начинай к каждому удару сердца, смотря в него, приносивлять молитвенные слова. Таким образом, с первым ударом скажи или подумай: Господи, со вторым -- Иисусе, с третьим -- Христе, с четвёртым -- помилуй и с пятым -- мя и повторяй сие многократно. Тебе это удобно, ибо начало и подготовка к сердечной молитве у тебя уже есть. Потом как к сему попривыкнешь, то начинай вводить и изводить всю Иисусову молитву в сердце вместе с дыханием, как учат отцы, то есть втягивая в себя воздух, скажи, вообрази: Господи Иисусе Христе, а испуская из себя: помилуй мя! Занимайся сим почаще и побольше, и ты в скором времени почувствуешь тонкую и приятную боль в сердце, потом будет являться в нём теплота и растепление. Так, при помощи Божией, достигнешь ты самодействия улаждающей внутренней молитвы сердца. Но при сём всемерно остерегайся от представлений в уме и являющихся каких-либо видов. Не принимай вовсе никаких воображений, ибо святые отцы крепко заповедают при внутренней молитве сохранять безвидие, дабы не попасть в прелесть.

Слепой, выслушавши всё это со вниманием, начал с усердием действовать по показанному способу, и по ночам, когда мы останавливались на ночлегах, он преимущественно сим занимался подолгу. Дней через пять он начал чувствовать сильную теплоту и несказанную приятность в сердце, а притом и великую охоту беспрестанно заниматься сею молитвою, которая и открывала в нём любовь ко Иисусу Христу. По временам он начал видеть свет, хотя никаких предметов и вещей не замечал в оном. Иногда представлялось ему, когда он входил в сердце, что как бы сильный пламень зажжённой свечи вспыхивал сладостно внутри сердца и, выбрасываясь чрез горло наружу, освещал его, и он при сём пламени мог видеть даже и отдалённые вещи, как и случилось однажды.

Шли мы лесом, и он с молчанием углублён был весь в молитву. Вдруг он сказал мне:

-- Как жалко! Горит уже церковь, вот упала и колокольня.

Я сказал ему:

-- Перестань воображать пустое, это тебе искушение, надо все мечты скорее отвергать. Как можно видеть, что делается в городе? Мы от него ещё за двенадцать вёрст.

Он послушался, продолжал молиться и замолчал. К вечеру пришли мы в город, и я действительно увидел несколько сгоревших домов и упавшую колокольню, которая построена была на деревянных сваях, и людей, толпящихся около и удивляющихся, как упавшая колокольня никого не задавила. По соображению моему, всё это несчастье произошло в то самое время, когда говорил мне о сём слепой. Вот он и начал мне говорить:

-- Ты сказал, что видение-то моё было пустое, а вот оно так и есть. Как не благодарить и как не любить Господа Иисуса Христа, Который открывает благодать Свою и грешникам, и слепцам, и неразумным! Благодарю и тебя, что ты меня научил сердечному действию.

Я сказал ему:

-- Иисуса Христа любить люби, и благодарить благодари, но принимать разные видения за непосредственные откровения благодати остерегайся, ибо сие часто может случаться и естественно, по порядку вещей. Душа человеческая относительно не связана местом и веществом. Она может видеть и во тьме, и весьма отдалённое, как вблизи происходящее. Только мы не даём силы и ходу сей способности душевной и подавляем её или узами одебелевшего нашего тела, или запутанностью наших мыслей и рассеянных помыслов. А когда мы сосредоточиваемся в самих себе, отвлекаемся от всего окрестного и утончаемся в уме, тогда душа входит в своё назначение и действует в высшей степени, так это дело естественное. Я слыхал от покойного моего старца, что и не молитвенные люди, а или способные к тому, или болезненные, в самой тёмной комнате видят свет, как он исходит из всех вещей, различают предметы, ощущают своего двойника и проникают в мысли другого. А что при сердечной молитве происходит прямо от благодати Божией, то так насладительно, что никакой язык изрещи не может и ни к чему вещественному применить и ничему уподобить того нельзя. Всё чувственное низко в сравнении с сладостными ощущениями благодати в сердце.

Мой слепой внял сему с усердием и ещё более стал смиренным. Молитва в сердце его развивалась более и более и несказанно его услаждала. Я радовался сему от всей души и усердно благодарил Бога, что Он сподобил меня видеть такого благословенного раба Своего. Наконец дошли мы до Тобольска. Я привёл его в богадельню, оставил там и, любезно простившись, пошёл в путь свой далее.

С месяц шёл я потихоньку и глубоко чувствовал, как назидательны и поощрительны бывают добрые живые примеры. Часто читывал

«Добротолюбие» и поверял всё то, что я говорил слепому молитвеннику. Его поучительный пример воспламенил во мне ревность, признательность и любовь к Господу, молитва сердца столько меня услаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в Царствии Небесном. Не токмо чувствовал сие внутри души моей, но всё и наружное представлялось мне в восхитительном виде и всё влекло к любви и благодарению Бога: люди, деревья, растения, животные -- всё было мне как родное, на всём я находил изображение имени Иисуса Христа.

Иногда чувствовал такую лёгкость, как бы не имел тела, и не шёл, а как бы отрадно плыл по воздуху, иногда входил весь сам в себя и ясно видел все мои внутренности, удивляясь премудрому составу человеческого тела. Иногда чувствовал такую радость, как будто сделан я царём, и при всех таковых утешениях желал, когда бы Бог дал поскорее умереть и изливаться в благодарности у подножия Его в мире духов.

Видно, я неумеренно наслаждался сими ощущениями, что ли, или уже так было попущение воли Божией, но, по некотором времени, я

почувствовал в сердце какой-то трепет и страх. «Не было бы мне, -- подумал я, -- опять какой беды или напасти, подобно как за ту девку, которую я научил Иисусовой молитве в часовне». Помыслы надвигались на меня тучей, и я вспомнил при сём слова преподобного Иоанна Карпафийского, который говорит, что часто учивший предаётся в бесчестие и терпит напасти и искушения за пользовавшихся от него духовно. Поборовшись с сими помыслами, я усугубил молитву, которою отогнал их совершенно, и, ободрившись сказал в себе: «Да будет воля Божия! Готов всё терпеть, что ни пошлёт мне Иисус Христос за моё окаянство и гордостный нрав. Да и те, которым я недавно открыл тайну сердечного входа и внутренней молитвы, были и прежде моей с ними встречи приуготовлены непосредственным тайноучением Божиим». Успокоившись сим, я опять пошёл с утешением и молитвою и радовался более прежнего. Дня два было дождливое время, и дорога так разгрязла, что едва можно было вытаскивать из грязи ноги. Шёл я степью и вёрст пятнадцать ни одного не встречал селения. Наконец под вечер увидел у самой дороги один двор, обрадовался и подумал: «Вот здесь попрошусь отдохнуть и переночую, а завтра поутру что Бог даст: может и погода будет получше».

Подошедши, увидел хмельного старика в солдатской шинели, сидевшего у одного двора на завалине, и поклонился ему, да и говорю:

-- Нельзя ли у кого попроситься здесь переночевать?

-- Кто может пустить, кроме меня? -- закричал старик, -- я здесь главный! Это почтовая станция, а я смотритель.

-- Так позвольте, батюшка, мне ночевать у вас!

-- А паспорт у тебя есть? Подавай законный вид на лицо.

Я дал ему свой паспорт, а он держит его в руках, да опять спрашивает:

-- Где же паспорт?

-- У вас в руках, -- ответил я.

-- Ну, пойдем в избу.

Смотритель надел очки, прочёл и говорит:

-- Точно, вид законный, ночуй; я ведь добрый человек. Вот, поднесу тебе и чарку. -- От роду не пью, -- ответил я.

-- Ну, так наплевать, по крайней мере, с нами поужинай.

Сели за стол он да кухарка, молодая баба, тоже довольно выпивши, и меня посадили с собой. Во всё время ужина они бранились, укоряли друг друга, а под конец и подрались. Смотритель ушёл в сени спать в чулан, а кухарка начала убираться, перемывать чашки да ложки и доругивала своего старика.

Я, посидевши, подумал, что не скоро она угомонится, да и сказал ей: -- Где бы, матушка, мне уснуть? Я очень устал с дороги.

-- Вот я тебе постелю, батюшка, -- и, приставивши скамейку к лавке у переднего окна, постлала войлок и положила изголовье. Я лёг да и закрыл глаза, как будто сплю. Долго ещё колобродила кухарка, наконец, убралась, погасила огонь и подошла ко мне. Вдруг всё окошко, бывшее в переднем углу, рама, стекла и осколки косяков, разлетевшись вдребезги, посыпались с ужасным треском, вся изба потряслась, а за окном раздался болезненный стон, крик и барахтанье. Баба в испуге отскочила на середину избы и грохнулась на пол. Я вскочил без памяти, думая, что земля разверзлась подо мною. Вот, вижу, два ямщика внесли в избу человека, всего в крови, так что и лица его не было видно. Сие ещё более привело меня в ужас.

Это был фельдъегерь, скакавший переменить здесь лошадей. Ямщик его, не потрафив верно завернуть в ворота, дышлом вышиб окно, а как перед избою была канава, то бричка опрокинулась, и фельдъегерь, упавши, глубоко расцарапал себе голову об заострённый кол, коим была укреплена завалина. Фельдъегерь потребовал воды да вина промыть себе рану, примочил вином, и сам выпил стакан, да и крикнул:

-- Лошадей!

Я стал около него, сказав:

-- Как вам, батюшка, с такою болью ехать-то?

-- Фельдъегерю некогда быть больным, -- ответил он и вскоре поскакал далее.

Бабу ямщики оттащили к печи в угол без чувств, накрыли рогожкой, сказавши:

-- Это ей притча приключилась от испуга, потом она прочухается.

А смотритель опохмелился и опять пошёл досыпать.

Остался я один. Вскоре баба встала и начала ходить из угла в угол, как шальная, наконец, ушла из избы. Я, помолившись, почувствовал ослабление в силах и перед светом немного заснул. Поутру,

простившись со зрителем, я отправился. Шёл и воссылал молитву мою с верою, упованием и благодарением к Отцу щедрот и всякого утешения, избавившему меня от близкой беды.

Чрез шесть лет после сего происшествия, проходя мимо одного женского монастыря, я зашёл в церковь помолиться. Странноприимная игуменья взяла меня к себе после обедни и велела подать чаю. Вдруг приехали к ней неожиданно гости; она вышла к ним, а меня оставила с монахинями, её келейницами. Смиренная монахиня, разливавшая чай, возбудила во мне любопытство спросить:

-- Давно ли вы, матушка, в сей обители?

-- Пять лет, -- ответила она. -- Меня безумную привели сюда, и Бог здесь помиловал. Вот матушка игуменья оставила меня у себя при келье и постригла.

-- От чего же вам случилось безумие? -- спросил я.

-- От испугу. Я нанималась на такой-то станции, и ночью во время сна лошади вышибли окно, я, испугавшись, сошла с ума. Меня целый год родственники водили по святым местам, и вот я здесь только исцелилась.

Услышавши это, я возрадовался душою я прославил Бога, мудро вся на пользу строящего.

-- Много было ещё разных случаев, -- обратясь к своему отцу, сказал я. -- Если по порядку рассказывать, то и в трое суток не переговоришь всего. Разве ещё один случай рассказать...

В ясный летний день увидел я кладбище близ дороги, или по-другому погост, то есть церковь, да одни священнослужительские дома. Был благовест к обедне, и я пошёл туда. Шли туда и окрестные

люди. А иные, не доходя церкви, сидели на траве и, видя меня, поспешно шедшего, говорили мне: «Не спеши, ещё настоишься вволю, покуда начнется служба. Здесь служат очень долго, священник-то больной, да такой мешкотный». Действительно, служба шла очень долго. Священник молодой, но прехудой и бледный, действовал очень медленно, впрочем, очень благоговейно и с чувством в конце обедни сказал прекрасную, понятную проповедь о способах приобретения любви к Богу.

Священник позвал меня к себе и оставил пообедать. За столом я сказал ему:

-- Как вы, батюшка, благоговейно да долго служите!

-- Да, -- ответил он, -- хоть это прихожанам-то и не нравится и ропщут, но нечего делать, ибо я люблю всякое молитвенное слово прежде размыслить и насладиться им, да тогда уже и произносить гласно, а то без внутреннего ощущения и сочувствия всякое произнесённое слово будет и для самого, и для других бесполезно. Дело всё во внутренней жизни и внимательной молитве! А как мало занимаются внутренним деланием! Это от того, что не хотят, не бегут о духовном, внутреннем просвещении.

-- Да как же достичь-то его? -- спросил я. -- Это кажется очень мудрёно.

-- Нимало; чтобы просветиться духовно и быть внимательным и внутренним человеком, следует взять один какой-нибудь текст из Священного Писания и как можно дольше держать на нём одном всё внимание и размышление, и откроется свет разумения. Так же должно поступать и при молитве: если хочешь, чтобы она была чиста, правильна и усладительна, для сего следует выбрать какую-либо краткую, состоящую из малых, но сильных слов, молитву и повторять её многократно и подолгу, и тогда ощутишь вкус к молитве.

Очень мне понравилось сие наставление священника, как оно деятельно и просто, но вместе глубоко и премудро! Я умственно благодарил Бога, что Он показал мне такого истинного пастыря Церкви Своей. По окончании стола, священник сказал мне:

-- Ты после обеда усни, -- а я займусь чтением Слова Божия да приготовлением к завтраму проповеди.

Вот я и вышел в кухню. Там никого не было, одна престарелая старуха сидела, сгорбившись, в углу, да кашляла. Я сел под окошечко, вынул из сумки моё «Добротолюбие», да и стал читать потихоньку про себя. Наконец прислушался, что сидевшая в углу старушка беспрестанно

шепчет Иисусову молитву. Я возрадовался, услыша часто изрекаемое святейшее имя Господне, и начал ей говорить:

-- Как это хорошо, матушка, что ты всё творишь молитву! Это самое христианское спасительное дело.

-- Да, батюшка, -- ответила она, -- на старости моих лет только и радости, что Господи прости!

-- Давно ли же ты так привыкла молиться?

-- С малых лет, батюшка. Да без этого мне и быть нельзя, ибо Иисусова молитва избавила меня от гибели и смерти.

-- Как же это? Расскажи, пожалуйста, во славу Божию и в прославление благодатной силы Иисусовой молитвы.

Я убрал в сумку «Добротолюбие», сел к ней поближе, и она начала рассказывать:

-- Я была девка молодая и красивая. Родители сговорили меня замуж: только бы завтра быть свадьбе, жених шёл к нам и вдруг, не дошедши шагов десяти, пал и умер, ни разу недохнувши! Я так сего испугалась, что вовсе отказалась от замужества и решила жить в девстве да ходить по святым местам молиться Богу. Однако же одна пускаться в путь боялась, как бы по молодости моей не обругали меня злые люди. Вот знакомая мне странница-старуха научила меня, чтоб, где бы ни шла я по дороге, всё беспрестанно творила Иисусову молитву, и крепко заверила, что при сей молитве никакого несчастья не может случиться в пути. Я сему поверила -- и точно, ходила всё благополучно, даже и в отдалённые святые места; мне родители давали на сие деньги. Под старость я сделалась больна, и вот, здешний батюшка по милости своей, меня держит и кормит.

С наслаждением слушая это, я не знал, как благодарить Бога за сей день, открывший мне такие назидательные примеры. Потом, испросив благословение доброго и благоговейного священника, я пошёл в путь мой, радуясь.

А вот не слишком давно, когда я шёл сюда чрез Казанскую губернию, ещё случилось мне узнать, как сила молитвы во имя Иисуса Христа ясно и живо открывается и в бессознательно занимающихся ею, и как частость и продолжительность молитвы есть верный и кратчайший путь к достижению благих плодов молитвы.

Случилось мне однажды ночевать в татарском селении. Я, вошедши в оное, увидел под окном одной хаты повозку и кучера русского. Лошади кормились около повозки. Обрадовавшись этому, я

вознамерился попроситься на ночлег тут же, думая, что, по крайней мере, ночую вместе с христианами. Подошёл да и спросил кучера, кто едет. Он ответил, что барин проезжает из Казани в Крым. В то время как мы говорили с кучером, барин, отвернувши кожу, выглянул из повозки, посмотрел на меня, да и говорит:

-- Я и сам здесь ночую, но не пошёл в хату, потому что у татар очень дрянно, и я решился остаться на ночь в повозке.

Потом барин вышел прогуляться, -- вечер был хороший; мы разговорились. Между многими расспросами, он пересказал мне и про себя вот что:

-- До шестидесяти пяти лет я служил во флоте капитаном первого ранга; под старость напала на меня неизлечимая болезнь -- подагра, и я, вышедши в отставку, жил в Крыму на хуторе моей жены, и почти постоянно хворал. Жена моя была взбалмошная, рассеянного характера и великая картёжница. Ей скучно стало при мне, больном, жить; и она, кинувши меня, уехала в Казань к дочери нашей, которая туда по случаю была выдана замуж за служащего чиновника. Жена обобрала меня кругом, даже увезла с собою и дворовых людей, а при мне оставила только восьмилетнего мальчишку, моего крестника. Так я и жил один года три.

Служивший мне мальчик был с быстрыми способностями и все домашние дела мои исправлял: убирал комнату, топил печь, варил мне кашицу, грел самовар. Но при всём этом он был чрезвычайно резв и неумолкаемый шалун, беспрестанно бегал, стучал, кричал, резвился и потому весьма меня беспокоил; а я, по болезни да и от скуки, всегда любил читать духовное. У меня была прекрасная книга святителя Григория Паламы об Иисусовой молитве: я почти беспрестанно читал её да понемногу творил и молитву. Мешал мне мой мальчик и никакие угрозы и наказания не воздерживали его от шалостей. Вот я и придумал такое средство: стал сажать его у себя в комнате на скамеечку, приказывая, чтобы он беспрестанно говорил Иисусову молитву. Это сначала ему чрезвычайно не понравилось, и он всячески от сего уклонялся и почаству умолкал. Я, чтобы заставить его исполнять моё приказание, клал возле себя розгу. Когда он говорил молитву, я спокойно читал книгу или слушал, как он произносит; но лишь только он замолчит, я показываю ему розгу, и он, испугавшись опять принимался за молитву; и это меня очень успокаивало, ибо начиналась тишина в моём жилище. По некотором времени я заметил, что уже розги не нужно: мальчик стал охотнее и усерднее исполнять моё приказание. Далее я усмотрел совершенную перемену в его резвом характере, он стал тих и

молчалив и домашние работы отправлял успешнее. Это меня порадовало, и я начал более давать ему свободы. Наконец, что вышло? Он так привык к молитве, что почти всегда и при всяком деле творил её без всякого моего понуждения. Когда я спрашивал его об этом, он отвечал, что непреодолимо ему хочется всегда творить молитву. «Что же ты при сём чувствуешь?» -- «Ничего, только и чувствую, что мне бывает хорошо, когда говорю молитву». -- «Да как же, хорошо?» -- «Не знаю, как сказать». -- «Весело, что ли?» -- «Да, весело». Ему было уже двенадцать лет, как началась в Крыму война, я уехал к дочери в Казань и его взял с собой. Здесь поместили его в кухне с прочими людьми, и он от этого очень скучал и жаловался мне, что люди, играя и шая между собою, приступили и к нему, и смеялись над ним, и сим мешали ему заниматься молитвою. Наконец месяца через три он вошёл ко мне, да и говорит: «Я уйду домой, мне здесь нестерпимо скучно и шумно». Я сказал ему: «Как можно тебе одному идти в такую даль и в зимнее время? Дождись, когда я

поеду, тогда и тебя возьму». На другой день пропал мой мальчик. Везде посылали искать, но нигде его не нашли. Наконец я получаю из Крыма от людей, оставшихся в нашем хуторе, письмо, что оный мальчик, четвёртого числа апреля, на второй день Пасхи, найден мёртвым в пустом моём доме. Он лежал на полу в моей комнате благообразно, сложивши руки на груди, картуз под головою и в том самом холодном сюртучке, в котором ходил у меня и ушёл. Так и похоронили его в моём саду. Получивши это известие, я чрезвычайно удивлялся, каким образом так скоро добрался мальчик до хутора. Он ушёл двадцать шестого февраля, а четвёртого апреля найден. В один месяц перейти около трех тысяч вёрст, дай Бог и на лошадях. Ведь придётся вёрст по сто в день! А притом в холодной одежде, без паспорта и без копейки денег. Положим, что, может быть, кто-нибудь и подвозил его по дороге, но и это всё не без особенного промысла и попечения о нём Божия. Вот, мальчик мой, - сказал наконец барин, -- вкусил плод молитвы, а я и на старости лет моих ещё не пришёл в его меру.

После сего я стал говорить барину:

-- Прекрасная, батюшка, книга святителя Григория Паламы, которую вы изволили читать, я её знаю. Но в ней всё больше об устной токмо Иисусовой молитве рассуждается, а прочтите-ка вы книгу под названием «Добротолюбие», там найдёте полную и совершенную науку, как достигнуть и духовной Иисусовой молитвы в уме и сердце и вкусить сладчайший плод её, -- при сём я показал ему моё «Добротолюбие». Он, я заметил, с удовольствием принял совет мой и обещался достать себе таковую книгу.

«Боже мой, -- размышлял я сам в себе, -- каких дивных явлений силы Божией не бывает от сей молитвы! И как мудро и поучительно сие происшествие. Мальчика розга научила молитве да ещё и послужила средством к утешению! Не те же ли розги Божии -- наши скорби и напасти, встречаемые на молитвенном пути? А потому, чего же мы боимся и смущаемся, когда показывает нам их рука Отца нашего Небесного, исполненного беспредельной любви, и когда сии розги научают нас прилежнее поучаться молитве и ведут нас к утешению неизреченному?»

Кончив эти рассказы, я сказал отцу своему духовному:

-- Простите меня, Бога ради, я уже много заболтался, а святые отцы беседу, хотя и духовную, но неумеренную, называют празднословием.

Мне пора идти проведать моего спутника иерусалимского. Помолитесь о мне, окаянном грешнике, чтобы Господь, по великому милосердию Своему, устроил путь мой во благое.

-- Вседушно желаю, возлюбленный о Господе брат, -- ответил он, -- да любвеобильная благодать Божия осеняет путь твой и сопутствует с тобою, как Ангел Рафаил с Товией!

Список иллюстраций

С. 2	Крамской И. Н.	<i>Мина Моисеев</i>
С. 4	Жуковский С. Ю.	<i>Усадьба Рождествено</i>
С. 7	Жуковский С. Ю.	<i>Комната в имении Брасово</i>
С. 14	Архипов А. Е.	<i>Келейник</i>
С. 16	Рябушкин А. П.	<i>Диакон</i>
С. 19	Репин И. Е.	<i>Мужичок из робких</i>
С. 23	Левитан И. И.	<i>Озеро. Русь</i>
С. 26	Архипов А. Е.	<i>Радоница</i>
С. 29	Прянишников И. М.	<i>Мальчик в красной рубашке</i>
С. 32	Крамской И. Н.	<i>Крестьянин с уздечкой (Мина Моисеев)</i>